

Кол Бьюкенен

Эта книга – нечто особенное...
Кол Бьюкенен пишет живо,
ярко, интересно, сюжет
захватывает с первых строк
и держит в напряжении вплоть
до неожиданного финала.
– The Times (UK)

Сердце Мира

ФАРЛАНДЕР

Сердце Мира

Кол Бьюкенен

Фарландер

«Центрполиграф»

2013

Бьюкенен К.

Фарландер / К. Бьюкенен — «Центрполиграф», 2013 — (Сердце Мира)

Старик Эш – лучший из лучших в ордене рошунов, тех, кто несет месть совершившим преступление. На этот раз он попал в жестокий переплет, но глава ордена и учитель Эша, таинственным образом возникший в его ледяной тюрьме, пообещал, что тот выберется и выполнит свою миссию, если даст слово, что возьмет ученика. Старый рошун пошел на сделку. Он смог спастись и совершить вендетту. Вскоре у него появился ученик Нико. Эш избавил молодого человека от сурового наказания за кражу. Нико нечего было терять, он согласился стать рошуном и пойти за Эшем – чужаком из далекой страны. В тесной каюте воздухолета «Фалькон» они покидали воздушное пространство Свободных портов, их путь лежал над Сердцем Мира на опасный остров Чим...

© Бьюкенен К., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Пролог. Большие унты	5
Глава 1. Щит	16
Глава 2. Бун	24
Глава 3. Посещения	33
Глава 4. Флаги Завоевания	41
Глава 5. Полет	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Кол Бьюкенен Фарландер

Моей жене, Джоанне
Сын дышит, отец живет
Оно, Большой Глупец

Пролог. Большие унты

Полумертвого от холода, Эша втащили в зал ледяной крепости и швырнули к ногам вождя, где он и рухнул на пушистые меха. Его била дрожь. Хотелось только одного: свернуться возле собственного, еще не совсем остывшего сердца. Сиплое, сбившееся дыхание вырывалось облачками тумана.

Одежду сорвали, так что он лежал в одном нижнем белье, смерзшемся в жесткие складки шерсти. Меч отобрали. Он был один и безоружен. И все равно они вели себя так, словно им подбросили дикого зверя. Деревенские орали, наполняя криками дымный воздух, а их вооруженные сородичи кололи его в бока копьями с костяными наконечниками, подбадривая друг друга воплями и прыгая вокруг, но не смея приближаться. Пар поднимался от чужака, словно

дым, дыхание клубами растекалось над свалевшимися, кишачими вшами шкурами. Вглядываясь с опасливым любопытством в эту дырявую туманную завесу, люди видели капли влаги, которые стекали по заиндевевшему черепу, мимо обледенелых бровей и трещинок глаз и срывались с резко проступавших скул, носа и похожей на замерзший клин бороды. Кожа под тающим на лице льдом казалась черной, как сумеречная вода.

Тревожные, взволнованные крики звучали все громче, и напуганные туземцы уже были готовы прикончить чужака прямо здесь, на полу.

– Брушка! – рыкнул вождь, восседавший на сложенном из костей троне. Голос вырвался из глубины груди, эхом раскатился вокруг ледяных колонн, расположенных по всей длине помещения, и вернулся, отразившись от высокого сводчатого потолка. Стоявшие у входа стражники стали оттеснять простодушных земляков, выталкивать их за перекрывавшие проем занавеси. Зрители поначалу сопротивлялись, жалуясь на несправедливое обращение; как-никак, они пришли сюда вслед за этим явившимся из метели стариком чужестранцем и желали видеть, что будет с ним дальше.

Ничего этого Эш не замечал. Более того, он оставался безучастным даже к изредка достигавшим цели уколам. И лишь ощущение близости источника тепла заставило его наконец поднять голову от пола. Неподалеку и впрямь стояла бронзовая жаровня, заполненная распространяющими вонь и смрад костями и животным жиром.

Он пополз к ней, не обращая внимания на попытки стражников воспрепятствовать ему в достижении цели. Тычки и удары не прекратились и тогда, когда Эш свернулся у жаровни; вздрагивая при каждом уколе, он тем не менее остался на месте.

– Ак ак! – пролаял вождь, и лишь строгий этот приказ заставил стражников отступить.

В зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием пламени да тяжелым, словно они только что вернулись после долгой охоты, сопением воинов. Вот почему вырвавшийся наконец из горла Эша стон облегчения прозвучал неожиданно громко и чисто.

«А ведь я жив», – с некоторым даже недоумением подумал он, очнувшись от морока, рассеянного жаром раскаленного металла. И, спеша не растерять собранное занемевшими пальцами тепло, крепко сжал кулаки. Ладони уже начало пощипывать.

Лишь теперь Эш наконец огляделся. Со всех сторон его окружали изможденного вида люди с натертыми жиром телами и мрачными, утыканными костяными иглами лицами. В голодных глазах проскальзывало отчаяние.

Всего вооруженных стражников было девять. Вождь, восседавший за их спинами, ждал.

Эш собрался с силами, но, засомневшись, что сумеет встать, поднялся кое-как на колени и посмотрел в лицо человеку, ради которого прошел нелегкий путь.

Вождь взирал на чужестранца так, словно решал для себя, какая часть его будет аппетитнее. Глаза почти потерялись на заплывшем жиром лице и напоминали сколы серого камня. Будучи от природы крупного сложения, он разъелся до такой степени, что принужден был носить широкий кожаный пояс, который поддерживал обвисшее брюхо. Если не считать пояса, вождь был гол, и кожа, покрытая густым слоем жира, тускло поблескивала в свете жаровни. Ноги были обуты в огромные, подбитые мехом унты. Свисавшее с шеи кожаное ожерелье лежало на груди.

Сделав глоток из перевернутого человеческого черепа, вождь довольно почмокал губами, смачно рыгнул, отчего жирные складки на шее заколыхались, и наконец выдал долгую трескучую дробь, чем изрядно испортил атмосферу ближайшего пространства. Эш молчал и вообще сохранял полную невозмутимость. Всю жизнь ему приходилось иметь дело с подобными особями: мелкими вождями, узурпаторами, а однажды даже с самопровозглашенным божком. За звонким титулом или даже претензией на благовоспитанный аристократизм неизменно скрывалось чудовище, каким и должен быть самозванный правитель. Данный случай вовсе не был исключением.

– Стобай, чим я ночи? – спросил вождь, разглядывая чужака с любопытством тугодума. Эш прокашлялся и расщепил смерзшиеся губы. Во рту появился вкус крови. Он похлопал себя по горлу, показывая, что хочет пить.

– Воды...

Вождь благосклонно кивнул. К ногам пришельца бросили бурдюк.

Эш пил долго и жадно. Утолив жажду, перевел дух и утер рот. На тыльной стороне ладони осталось красное пятно.

– Я не говорю на вашем языке, – начал он. – Хотите о чем-то спросить – обращайтесь на торге.

– Бхаттат!

Эш склонил голову, но не ответил.

Физиономия вождя сморщилась в недовольной гримасе, мышцы задрожали. Повинуясь отрывисто брошенному приказу, один из стражников, самый рослый, направился к вырубленному во льду возвышению, на котором стоял ящик, незатейливый деревянный короб наподобие тех, в которых купцы привозят специи или чи. Собравшиеся в зале молча наблюдали за ним.

Расстегнув кожаный ремень и откинув крышку, воин наклонился, взял что-то обеими руками и без каких-либо усилий вынул... живой скелет, обтянутый плотью и полуистлевшей одеждой. Отросшие волосы спутались, из-под полуопущенных век, щурясь от света, смотрели покрасневшие глаза.

В животе у Эша заурчало, желчь вскинулась к горлу. Ему и в голову не приходило, что кто-то из участников прошлогодней экспедиции мог остаться в живых.

Он стиснул зубы. «Не раскисай».

Стражник подержал пленника на весу, а когда его сухие и тонкие, как палки, ноги перестали дрожать, опустил на землю. Вместе они медленно приблизились к трону. Пленник определенно был северянином, точнее, судя по тому, что от него осталось, уроженцем пустынной Алхазии.

– Йа грошка бхаттат! Вашеда ти савонья ночи, – распорядился вождь, обратившись к алхазу.

Пленник подслеповато моргнул. Смуглая, как у всех жителей пустыни, кожа пожелтела и напоминала древний пергамент. Стоявший рядом стражник развернул старика так, чтобы взгляд его уперся в стоящего на коленях Эша. В глазах алхаза мелькнула искра жизни.

– Король... – во рту у него что-то сухо щелкнуло, – будет говорить с тобой, темнолицый, – прохрипел он на торге. – Как ты попал сюда?

Не видя пока необходимости во лжи, Эш ответил честно:

– Я приплыл на корабле. Из Сердца Мира. И судно еще ждет меня у берега.

Повернувшись к вождю, алхаз повторил сказанное на туземном языке.

Вождь махнул рукой:

– Тул кувеша. Йа шизн ал кхат?

– Кто помог тебе добраться сюда? – перевел старик.

– Мне никто не помогал. Я одолжил сани и собачью упряжку. Они провалились в расщелину, вместе со всеми моими вещами. А потом меня настигла метель.

– Дан чото, паш та йа неплочо дан?

– Тогда скажи, – заговорил переводчик, – что ты возьмешь у меня?

Эш нахмурился:

– Что ты имеешь в виду?

– Паш так дан? Йа тул крашьяви.

– Что я имею в виду? Ты пришел сюда издалека, проделав далекий путь.

– Йа булсвиданья, сач анай намости. Йа вис презнат.

– Ты – северянин, из-за Большого Безмолвия. Ты пришел сюда не просто так.

– Йа вис неплочо дан.

– Ты пришел, чтобы что-то взять у меня.

Вождь ткнул себя в обвисшую грудь толстым, размером с колбаску пальцем и сердито добавил:

– Вис папак!

– Вот что я имею в виду.

Вопрос так и повис в дымном воздухе. С таким же успехом самозванный король мог требовать ответа от камня, которому придали сходство с человеком.

В зал, хлопнув перегородившими вход тяжелыми шкурами, со свистом ворвался ветер. Пламя над жаровней затрепетало и поникло. Метель напомнила о себе и о том, что его ждут. Он даже подумал, что, может быть, пора предложить вождю подготовленную заранее ложь. Но мысль эта мелькнула и тут же ушла. Эш не принадлежал к тем, кто слишком долго размышляет о последствиях. Как и все рошуны, он был последователем Дао, а потому предпочитал сохранять спокойствие и действовать спонтанно, полагаясь на свой Ча.

Внутренне сосредоточившись, он проследил путь воздуха, вошедшего в его ноздри, царапнувшего холодком легкие, отфильтрованного ими и вышедшего тем же путем, но уже с теплом и легким паром. И покой снизошел на него. Эш мерно дышал, ожидая, пока слова ответа соберутся вместе, а потом слушая их звучание. Слушая внимательно, заинтригованный, как и все остальные.

– Ты носишь то, что принадлежит другому. – Эш поднял палец и, вытянув руку, указал на ожерелье, свисавшее с шеи вождя и почти терявшееся между дряблыми грудями.

Предмет на кожаном шнурке имел размер и форму половинки разрезанного вертикально яйца, цветом походил на каштан, а его поверхность напоминала старую сморщенную кожу.

Вождь уже зажал его в кулаке, как ребенок, прячущий что-то от постороннего.

– Это не твое, – повторил Эш. – Ты даже не знаешь, какой цели оно служит.

Вождь подался вперед, и костяной трон под ним угрожающе затрещал.

– Кхут, – негромко сказал он.

– Говори, – перевел алхаз.

Долгих пять толчков сердца Эш смотрел на вождя, успев отметить и чешуйки кожи в густых бровях, и корки в уголках глаз. Пропитанные жиром длинные черные волосы свисали почти до плеч и напоминали парик.

Наконец он кивнул.

– За Большим Безмолвием, в Мидересе, называемом Сердцем Мира, есть место, куда человек – будь то мужчина или женщина – может обратиться за протекцией. Уплатив деньги, большие деньги, люди покупают печать, подобную той, что носишь сейчас ты, и вешают на шею, чтобы ее видели все. Печать дает им защиту, потому что если умирает владелец, то умирает и она сама.

Алхаз переводил. Вождь слушал внимательно, с интересом.

– Печать, что ты носишь сейчас, принадлежала Омару Сару, купцу и торговцу. У нее есть вторая половинка, и, наблюдая за ней, как наблюдаем за всеми, мы увидели признаки смерти. Много лун тому назад Омар Сар отправился сюда с торговой экспедицией. Вместо того чтобы разрешить ему торговать с подданными твоего... королевства, ты счел за лучшее убить его и всех, кто был с ним, и захватить товары, что он привез с собой. Но ты не понял, что печать защищала Омара Сара. Ты не знал, что если его убьют, то и печать тоже умрет, а вместе с ней умрет и ее половинка. А еще ты не знал, что эта вторая половинка укажет того, кто убил его.

Медленно, преодолевая боль в коленях и бедрах, Эш поднялся с пола и встал перед вождем.

– Мое имя – Эш, – громко сказал он. – Я – рошун, что на моем родном языке означает «осенний лед», приходящий рано. Это значит, что я пришел из того места, откуда приходят все рошуны, потому что оно есть место, откуда мы несем месть.

Он выдержал паузу, дав слушающим возможность в полной мере оценить важность сказанного, и продолжил:

– Так что ты прав, жирная свинья, я пришел сюда, чтобы забрать у тебя кое-что. Я пришел отнять твою жизнь.

К концу перевода толмач заметно разнервничался. Вождь взвыл от ярости и, привстав, оттолкнул алхаз от трона. Старик, и без того едва державшийся на ногах, свалился на пол. Сверкая безумными глазами, вождь схватил служивший кубком череп и запустил им в наглеца чужестранца.

Эш лишь слегка отвел голову, и снаряд пролетел мимо.

– Улбашка! – проревел вождь, и жировые складки на его лице затряслись в такт слогу.

Стражники на мгновение замерли. Никому не хотелось приближаться к темнокожему незнакомцу, посмевавшему грозить их повелителю.

– Ублашка нейа! – возопил разгневанный властитель, и воины набросились на Эша.

Дав волю гневу, вождь опустился на трон и разразился злобной тирадой. Распростертый на полу алхаз затараторил на торге, едва успевая за потоком сердитых слов.

– Знаешь ли ты, как я стал здесь правителем? Целую дакхусу я провел в запечатанной ледяной пещере с пятью другими мужчинами и без всякой еды. И только луной позже, когда солнце вернулось и растопило вход, я вышел из пещеры. Я, один! – Словно ставя точку, он ударил кулаком в грудь, произведя глухой, сочный звериный звук. – Грози сколько тебе угодно, старый дурак... – алхаз остановился, поскольку остановился вождь, и оба наполнили легкие воздухом, – потому что сегодня тебя ждет суровое наказание, а завтра, когда я проснусь, мы найдем тебе достойное применение.

Дрожащими руками стражники схватили Эша и стали срывать с него нижнее белье, пока он не предстал перед ними голый, трясущийся от холода.

– Пожалуйста, – прошептал лежавший на полу алхаз. – Смилуйся. Помоги мне.

Вождь коротко кивнул, и Эша выволокли из зала.

За пологом воины остановились, натянули меховые одежды и потащили пленника по коридору и дальше. Метель еще не стихла и по-прежнему рвала ночь. Сердце чуть не остановилось от холодного шока.

Безжалостный ветер толкал его едва ли не с такой же силой, как и стражники, выл, требуя его тепла, и хлестал обжигающей снежной плетью по голой коже. Боль вошла в кости, во внутренности, в сердце, прыгавшее и колотившееся, не веря в происходящее.

Еще немного, и он просто умрет.

Хмурые стражники тащили чужестранца к ближайшей из устроенных по кругу ледяных избушек. Самый высокий, пригнувшись, вошел, прочие остались с пленником, направив на него копыя, готовые при необходимости ударить.

Эш обхватил себя руками и прыгал на месте, утапывая снег. При этом он медленно поворачивался, подставляя ветру то один бок, то другой. Стражники смеялись.

Через какое-то время из избушки, неся с собой спальные меха, появились двое. Мрачно поглядывая на воинов, они тем не менее молча поплелись к соседнему жилищу. Следом за ними вышел высокий стражник с охапкой собранных с пола шкур. У порога он остановился и сорвал шкуры, закрывавшие узкий, похожий на туннель вход.

– Хун! – распорядился высокий, и стражники впихнули Эша в избу.

Внутри было темно, тихо и даже тепло после бушующего снаружи ветра. Эш понимал, однако, что без одежды он и здесь скоро замерзнет.

Между тем стражники уже замуровывали вход ледяными глыбами. Потом их полили водой и стали ждать, когда она застынет.

Услышав удаляющиеся шаги, Эш пнул ногой ледяную стену. С таким же успехом можно было бить камень.

Он вздохнул, покачнулся и едва не потерял сознание от усталости. Весь тяжкий груз прожитых шестидесяти двух лет обрушился вдруг на плечи, клоня к земле.

Он упал на колени, даже не заметив боли в голених, ударившихся о жесткий, плотно спрессованный ледяной пол. Потребовалось полное напряжение воли, чтобы не прилечь свернувшись, закрыть глаза и уснуть. Уснуть означало умереть.

Холод. Эш подышал в сложенные чашкой руки, потер ладони и похлопал себя коченеющими ладонями. Потом, немного прибодрившись, похлопал для верности по щекам. Лучше.

Заметив на голове рассечение, он приложил к ране снежный комочек и подержал, пока кровотечение не прекратилось. Через какое-то время глаза начали привыкать к темноте. Ледяные стены посветлели, словно их пронизывало бледное молочное сияние.

Эш глубоко вздохнул. Сложил перед собой руки. Закрыв рот, чтобы зубы не стучали. И начал молчаливую мантру.

Постепенно тепло от пульсирующего в груди сердца потекло в члены, пальцы рук и ног. От покрытой пупырышками кожи начал подниматься пар. Прекратилась дрожь.

Высоко над его лысой головой ветер прорвался через небольшое отверстие в куполообразном потолке, загудел, словно вызывая к нему, и бросил вниз одинокую снежинку.

Он представил, что поставил прочную брезентовую палатку и лежит в ней, надежно защищенный от ветра, согреваясь у сделанной из меди походной масляной плиты. На огне закипает бульон, распространяя бодрящий, с дымком, запах. Воздух сырой и тяжелый от оттаивающей одежды. Снаружи таякают прячущиеся от метели собаки.

Он не один в палатке. С ним Ошо.

– Плохо выглядишь, – говорит ему на родном хоншю старый учитель, и морщинки беспокойства проступают на старческой коже, такой же темной, как и у самого Эша.

Эш кивает:

– Похоже, я почти мертв.

– Удивлен? В твои-то годы?

– Нет, – признается Эш, хотя, удостоившись упрека от наставника, на мгновение и впрямь забывает о возрасте. – Бульона? – предлагает он, наливая собеседнику в чашку. Ошо жестом отказывается, и Эш пьет из своей. Тепло струйкой бежит в желудок. Откуда-то доносится сладострастный стон.

Учитель с любопытством наблюдает за ним.

– Как голова? Болит?

– Немного. Думаю, скоро может случиться еще один приступ.

– Я ведь предупреждал, что так и будет.

– Но я же еще не умер.

Ошо хмурится. Потирает руки. Согревает их дыханием.

– Ты должен наконец понять: время пришло.

Эш вздыхает, и огонек масляной плиты трепещет и шипит. Он смотрит на хлопающий клапан палатки, на поднимающийся от чашки дымок. Прислоненный к кожаному дорожному мешку меч напоминает могильный знак.

– Эта работа... кроме нее, у меня ничего нет. Неужели ты отнимешь ее у меня?

– Не я – твоё здоровье. Даже если выживешь сегодня, на сколько тебя еще хватит?

– Я не намерен, когда ничего не останется, ложиться и ждать конца.

– А я и не прошу тебя об этом. Но тебе нужно быть здесь, с орденом, с товарищами. Ты заслужил отдых и, может быть, покой, если сумеешь его найти. Пока еще есть время.

– Нет, – с жаром возражает Эш и, отведя глаза, смотрит на огонь. – Так поступил мой отец, когда ухудшилось здоровье. Потеряв зрение, он предался отчаянию и до самого конца лежал в постели и плакал. Он стал тенью себя самого. Я не собираюсь так бессмысленно растрачивать оставшееся время. Умру на ногах.

На Ошо это заявление впечатления не произвело.

– Ты не в том состоянии, чтобы идти дальше. Приступы учащаются и обостряются. Из-за них ты почти слепнешь. Куда может идти слепец? Как ты будешь нести месть? Нет, этого я позволить не могу.

– Должен! – восклицает Эш.

Глава ордена моргает, но ничего не говорит.

Эш опускает голову и делает глубокий вдох. Успокаивается.

– Ошо, мы знакомы давным-давно. Мы больше чем друзья. Мы ближе, чем отец и сын, чем братья. Послушай меня. Мне это нужно.

Их взгляды смыкаются. Они в палатке, обдуваемой ветрами, посреди раскинувшейся на тысячи лаков ледяной пустыни, в воображаемой теплой камере, столь крохотной, что их дыхание смешивается.

– Хорошо, – негромко говорит Ошо, и Эш вздрагивает от удивления.

Он открывает рот, готовый произнести слова благодарности, но учитель останавливает его жестом.

– С одним условием, и оно обсуждению не подлежит.

– Продолжай.

– Ты возьмешь ученика.

Порыв ветра бьет по стенке палатки, прижимая брезент к его спине. Эш замирает.

– Ты просишь меня об этом?

– Да, – резко бросает Ошо. – Я прошу тебя об этом, как ты просил меня. Ты – лучшее, что у нас есть. Ты лучше, чем был я. Однако ты постоянно отказываешься взять ученика, передать ему свои знания, навыки, свою прозорливость.

– Тебе известно, что у меня были на то свои причины.

– Конечно, известно. Я знаю тебя лучше, чем кто-либо еще. Я сам был там, помнишь? Но в том сражении не ты один потерял сына, а другие – отца или брата.

Эш опускает голову:

– Да.

– Понимать ли тебя так, что ты сделаешь это, если выпутаешься из сегодняшнего переплета?

Он не может смотреть учителю в глаза и делает вид, что любит танцующим пламенем масляной плиты. Старик и впрямь хорошо его знает. Для Эша он словно зеркало, живая, дышащая поверхность, отражающая все, что Эш может попытаться скрыть от себя самого.

– Хочешь умереть здесь, в одиночестве, в этой проклятой ледяной пустыне?

Эш отвечает молчанием.

– Тогда соглашайся на мое предложение. согласишься – обещаю, что ты выберешься отсюда, что снова увидишь дом, что я позволю тебе продолжать работу, по крайней мере до тех пор, пока будешь обучать преемника.

– Предлагаешь сделку?

– Да, – твердо говорит Ошо.

– Но ты же не *настоящий*. Эту самую палатку я потерял два дня назад, а тебя со мной не было. Ты – сон. Эхо. Твое предложение ничего не стоит.

– И все же я говорю правду. Сомневаешься?

Эш смотрит в пустую чашку. Ее металлический изгиб уже похолодел и высасывает тепло из его ладоней.

Он давно смирился со своей болезнью и ее неизбежным исходом. Как смирился когда-то с тем, что забирает жизнь у тех, кого преследует, выполняя свою работу. И то и другое Эш принял как данность – с фатализмом. Побочным результатом такой позиции была нотка меланхоличности: вкус жизни – горьковато-сладкий, в ней смысл имеет только то, чему ты сам его придаешь; Вселенная же всегда нейтральна, и, изливаясь в вечную бесконечность из неиссякаемого источника Дао, она стремится только лишь к равновесию.

Он умирает, вот и все.

Однако заканчивать свой срок здесь, в этой глуши, ему никак не хотелось. Если сможет, он еще увидит солнце, насладится теплом, вдохнет пахучие запахи жизни, ощутит под ногами упругую прохладу травы, услышит журчание бегущей по камням воды. А уж потом... И здесь, в его воображении, Ошо был творением этого желания. На большее Эш не смел и надеяться.

Он поднимает голову – ответ учителю готов.

– Конечно, сомневаюсь...

Но Ошо уже исчез.

* * *

Боль, пришедшая теперь, была другой, тягучей, выматывающей, тошнотворной. Боль застилала глаза. Голова как будто попала в медленно сжимающиеся тиски.

Боль вытащила его из делириума.

Эш прищурился, вглядываясь в окружающий мрак. Нагое тело сотрясали конвульсии. На ресницах висели крохотные сосульки. Он едва не уснул.

Через отверстие в крыше не доносилось ни звука. Метель наконец унялась. Он склонил голову. Прислушался. Где-то залаяла собака. Ее поддержали другие.

Он с силой выдохнул.

– Еще одно, последнее усилие.

Старый рошун поднялся. Мышцы ныли, голова сжималась от боли. Поделаться с этим он ничего не мог – кисет с листьями дульче отняли вместе со всем остальным. Впрочем, приступ вряд ли можно было назвать тяжелым; в долгом морском путешествии на юг болезнь на целые дни приковывала его к койке.

Притопывая и похлопывая себя по бокам и груди, он восстановил кровообращение. Дыхание выровнялось и участилось; каждый глоток воздуха наполнял силой, вымывая усталость и сомнение.

Эш еще раз подышал на пальцы, хлопнул дважды в ладоши и подпрыгнул. Рука проскользнула в отверстие, и он повис, болтая ногами в воздухе. Другой рукой он начал бить лед по периметру дыры, сопровождая каждый удар глухим «Ху!», не столько словом, сколько просто выдохом. И при каждом ударе острая боль пробивала руку от костяшек пальцев до плеча.

Поначалу – ничего. Все равно что бить камень.

Нет, так ничего не получится. Он представил, что имеет дело с тонкой, подтаявшей коркой покрывающего озеро льда. От ворвавшегося в ноздри морозного воздуха закружилась голова, и Эш заставил себя сосредоточиться.

Он не знал, сколько прошло времени, прежде чем откололся первый кусочек. Переждав момент триумфа, Эш продолжил. За первым сколом последовал второй, третий... а потом на него словно обрушился ледяной душ. Он зажмурился, сморгнул пот, к которому примешалось и что-то еще. Кровь. Рука потемнела от крови, и капли падали на лоб или на пол, где и застывали, не успев впитаться в лед.

Отверстие расширилось настолько, что в него уже была видна часть ночного неба. Услышав собственное хриплое дыхание, Эш взял паузу и какое-то время просто висел.

Чтобы снова приняться за работу, потребовалось сделать над собой немалое усилие. Наконец, пытая от усталости, он подтянулся и, царапая бока, протиснулся в дыру и вылез на крышу.

Поселок мирно спал. Над головой чернело небо, усыпанное звездами, похожими на мелкие, безжизненные брильянты. Эш соскользнул на землю и на мгновение застыл, пригнувшись, по колено в снегу. За спиной у него крышу ледяной избы пересекал темный кровавый след.

Он тряхнул головой и огляделся, пытаясь сориентироваться. Справа и слева виднелись утопающие в сугробах ледяные жилища. Кое-где под снегом шевелились уснувшие собаки. Вдалеке группа мужчин готовила сани для утренней охоты.

Пригнувшись как можно ниже, Эш направился к ледяной крепости. Под голыми ступнями чуть слышно похрустывал свежий снег.

Крепость росла на глазах, темным пятном закрывая звезды.

Эш прибавил шагу и наконец, прорвавшись через полог из шкур, вбежал в узкий проход. Двое стражников, гревшихся у пылающей жаровни, явно не ждали его появления. Узкое пространство ограничивало возможности маневра. Первого караульного Эш ударил в физиономию лбом, сломав ему нос и свалив на землю. Пронзившая голову боль отвлекла на мгновение, и в это самое мгновение второй караульный едва не достал его копьем. Эш успел пригнуться, так что костяной наконечник лишь скользнул по плечу. Приглушенное сопение, шлепок столкнувшихся тел... Удар коленом в пах заставил противника согнуться, и Эш довершил дело тычком в горло.

Перешагнув два распростертых тела, он осторожно прошел дальше.

И оказался в тесном коридоре, за которым находился главный зал, откуда не доносилось ни звука. Впрочем, прислушавшись, Эш уловил негромкое похрапывание.

Меч.

Он свернул влево, в боковой проход, который привел его в небольшую, задымленную комнату, освещавшуюся лишь маленькой жаровней. Исходившее от жирных кусков красноватое мерцание рассеивало тьму не более чем на пару шагов.

На нарах сбоку от жаровни спали, прижавшись друг к другу, мужчина и женщина. Держась тени, Эш прокрался к дальней стене, где все еще лежали, сваленные в кучу, его вещи.

Порывшись в мехах, он нашел кожаный кисет с листьями дульче, достал сначала один, а потом, подумав, и второй и сунул оба в рот, между зубами и щекой.

Взяв небольшую паузу, Эш прислонился к стене, пожевал листья и сглотнул горьковатый сок. Боль отступила, в голове прояснилось.

Не обращая внимания на меха, он вытащил из ножен клинок и на цыпочках прокрался к входу в главный зал. Пара на нарах продолжала спать.

Свет, просачиваясь под пологом из шкур, падал на голые пальцы ног. Остановившись на миг, Эш втянул в себя побольше воздуха, медленно выдохнул через нос и, держа меч вниз, проскользнул в зал.

Вождь спал на троне в дальнем конце помещения. Воины, некоторые с партнершами, лежали вповалку на полу. Сбоку от входа дремал, опираясь на копье, караульный.

Дрожь ушла. Эш окунулся в свою стихию, и холод был для него теперь чем-то вроде накидки. Страх отступил в прошлое, став далекой, как и его меч, памятью. Все чувства обострились до предела. Он заметил сосульку, свисавшую с потолка над самой жаровней, услышал тихое шипение, с которым она уронила каплю, уловил резкий запах рыбы, пота, горящего жира и чего-то еще, почти сладкого, отчего заурчало в животе. Он почувствовал, как поют в предвкушении схватки натянутые мышцы.

Движение привлекло внимание караульного, который пошевелился и встряхнулся, прогоня дрему. Он даже успел поднять голову, но увидел перед собой лишь окровавленное лицо

и оскаленные зубы. Клинок уже летел к нему и, прорезав дугу в густом от чада воздухе, легко, почти не встретив сопротивления, вошел в грудь. Падая, несчастный всхрипнул.

И этого оказалось достаточно, чтобы разбудить остальных.

Поднимаясь, воины шарили по полу и хватали копья. Команды не было, они просто набросились на Эша со всех сторон.

Он разметал их, как детей. Каждому хватало одного удара. Не думая о себе, Эш просто шел к цели и убирал все, что вставало на пути. В этом всеобщем смятении, в этом бурливом хаосе он не издал ни звука. Каждое его движение направлялось отточенным чутьем, инстинктом наступать и только наступать, его рубящие и колющие удары, его блоки и нырки естественным образом совпадали с ритмом шагов.

Еще раньше, чем последний воин свалился на землю, Эш достиг трона, оставив за собой след из красноватого тумана, поднимающегося от изрубленных тел.

Вождь сидел на троне, трясаясь от ярости и сжав подлокотники, словно пытаясь и не находя сил подняться. Он был пьян, и дыхание его несло тяжелый запах алкоголя. Грудь вздымалась, будто легким не доставало воздуха, а из приоткрытого рта стекала на подбородок струйка слюны. Безумные глаза взирали на рошуна из-под полуопущенных век.

«Похож на сердитого ребенка», – подумал Эш и тут же отбросил эту мысль.

Смахнув с клинка кровь, он приставил острие к горлу вождя. Дыхание последнего заметно участилось.

– Хут! – рывкнул Эш, заставляя врага поднять голову так, чтобы их взгляды встретились.

Вождь посмотрел на приставленное к горлу лезвие. По канавке легко и свободно, словно вода по промасленному холсту, текла его собственная кровь. Он перевел взгляд на Эша, и под левым глазом дернулась жилка.

– Акужка, – процедил вождь.

Войдя снизу под подбородок, стальной клинок пронзил мозг. Взгляд, только что полный ненависти, потух.

Эш выпрямился и перевел дух. От трона поднимался пар – в последний миг содержимое мочевого пузыря вождя пролилось на пол, словно вода из лопнувшего бурдюка.

Сняв с мертвеца печать, Эш повесил ее себе на шею и, словно вспомнив о чем-то, закрыл вождю глаза.

Потом подошел к деревянному ящику у стены, поднял крышку и вытащил лежавшего там алхаза.

– Все кончено? – прохрипел бедолага, хватаясь за Эша так, словно намеревался не отпустить его до конца жизни.

– Да, – только и ответил Эш.

И они ушли.

Глава 1. Щит

На гору Истины Бан поднимался не раз и не два. Сама гора представляла собой широкий зеленый холм с плавными склонами и не была очень уж высокой. Однако в то утро она казалась более крутой, чем прежде. Шагая по тропинке, ведущей к плоской, сплюсненной вершине, он не находил этому никакого логического объяснения.

– Бан. – Марли потянула его за руку. – Подожди.

Он обернулся. Прикрывшись ладонью от солнца, жена смотрела куда-то вниз. Их десятилетний сын, Джуно, тащился сзади, заметно отстав. Мальчик был мал для своего возраста, и корзинка с продуктами для пикника, похоже, оказалась непосильной ношей. Тем не менее он настоял на том, что понесет ее сам, и от предложений помощи упрямо отказывался.

Бан вытер влажный от пота лоб и тут же ощутил легкий поцелуй прохладного ветерка.

«Не хочу, чтобы он увидел это сегодня».

Поймав себя на этой мысли, Бан вдруг понял, что дело не в крутизне подъема, а в его собственном сопротивлении этому походу.

Вывалившееся из корзинки краснобокое, блестящее, как губная помада, яблоко покатилося по отполированным камням. Джуно остановил беглеца ногой, наклонился и поднял.

– Помочь? – обратился к сыну Бан, стараясь не думать, во сколько обошлось ему и это единственное яблоко, и все остальное, что лежало в корзине.

Джуно ответил сердитым взглядом и, вернув яблоко на положенное место, поправил ношу и продолжил восхождение.

Вдалеке прогремел гром, хотя небо оставалось чистым до самого горизонта. Бан отвернулся и медленно выдохнул, надеясь очиститься от непонятного беспокойства, похоже свившего себе гнездо где-то на дне желудка.

Маскируя тревогу, он натянуто улыбнулся. Этому трюку, как и некоторым другим, Бан научился за годы службы в Красной Гвардии. Просто растягиваешь губы, и бремя забот уже не так сильно давит на плечи.

– Приятно видеть, что ты еще улыбаешься, – заметила Марли. В уголках ее карих глаз собрались морщинки. В холщовой перевязи за спиной спала, приоткрыв ротик, их маленькая дочка.

– Приятно провести денек вдали от крепостных стен. Хотя я предпочел бы любое другое место.

– Если он достаточно взрослый, чтобы спрашивать, пусть и увидит. Нельзя вечно скрывать правду.

– Нельзя, но попытаться можно.

Она нахмурилась, но еще крепче сжала его руку.

Раскинувшийся внизу город Бар-Хос напоминал бурлящую реку. Сотни кружащих над бухтой чаек создавали картину снежной бури, разыгравшейся над вершинами далеких гор. Птицы то взмывали вверх, то падали камнем вниз, и их отражения в застывшей глади воды тоже металась беспорядочно между стоящими на якоре кораблями. Солнечные лучи отражались от зеркальной поверхности, яркие блики окрашивали картину в цвет красного золота. Большую же часть города скрывало колышущееся знойное море; фигурки людей, снующих по погруженным в глубокую тень улицам, выглядели крохотными и нечеткими. С куполов Белого Замка разливался колокольный звон, а от Стациона Оружия доносились звуки горнов. В туманном от пыли воздухе то и дело вспыхивали зеркалами корзины купеческих воздушных шаров, привязанных к стройным башенкам. Еще дальше, за северными стенами, поднявшийся от пилонов воздухопорта корабль медленно поворачивал на восток, отправляясь в опасный путь к Занзаху.

Все это казалось Бану странным и непонятным. Жизнь – по крайней мере, внешне – шла своим чередом, хотя сам город стоял буквально на краю пропасти.

– Чего ты ждешь? – пропыхтел Джуно, нагоняя наконец родителей.

Бан улыбнулся, теперь уже по-настоящему, без притворства:

– Ничего.

В такие дни – а День Глупца приходился на самый пик лета – многие горожане предпочитали спекшимся от жары улицам Бар-Хоса прохладу горы Истины. Разбитый на ее вершине террасный парк предлагал убежище от зноя, а с моря постоянно дул освежающий ветерок. Ближе к парку тропинка стала выравниваться, и идти было легче. Джуно, успевший приладиться к своей ноше, воспользовался этой возможностью и, прибавив шаг, вырвался вперед и даже обогнал еще нескольких человек, которые, похоже, никуда не спешили. Вместе они обошли стороной зеленую полянку, где между запускавшими воздушного змея детьми уже разгорался спор из-за места в очереди. Чуть дальше, под ветвью высохшего дерева, расположившийся на скамейке старый монах прихлебывал вино из бутылки и внушал что-то прилежавшему у его ног псу. Пес, похоже, не слушал.

Новый раскат грома прозвучал громче и отчетливее, что было неудивительно, поскольку теперь они находились ближе к южным стенам. Джуно оглянулся на родителей.

– Ну же, поторопитесь. – Он уже с трудом скрывал нетерпение.

– Надо было захватить воздушного змея, – заметила Марли. Детишки у них за спиной уже не только перестали цапаться, но и успели отправить в полет склеенного из бумаги и перьев змея, который плыл теперь в вышине.

Бан кивнул, но промолчал. Внимание его привлекло здание, стоявшее на вершине холма и расположенное в самом центре парка. Высокие стены окружал кустарник, а сотни окон, все с белыми рамами, отражали либо небо, либо пустоту – в зависимости от того, куда смотрел Бан. Сам он бывал в этом здании едва ли не ежедневно, поскольку состоял в должности адъютанта при генерале Криде. Взгляд его сам по себе отыскал окна военного министерства, где находился и кабинет генерала. Может быть, и старик сегодня там? Стоит у окна, смотрит вниз?

– Бан. – Жена укоризненно покачала головой и потянула его за рукав.

В конце концов они все же добрались до южной окраины парка. Джуно шел впереди, петляя между расположившимися на траве группками, но замедляя шаг каждый раз, когда ему открывался вид на город. В какой-то момент мальчик все же остановился, и корзинка незамедлительно выскользнула из рук.

Подойдя к сыну, Бан принялся собирать рассыпавшееся содержимое. При этом он внимательно и даже настороженно, как и тогда, когда тот делал свои первые, еще неуверенные шажки, поглядывал на Джуно. Раньше мальчику запрещали самостоятельные посещения горы Истины, но в последний год он постоянно просил и даже умолял сводить его туда, раздобранный рассказами побывавших на холме друзей. В первую очередь Джуно хотел сам понять, почему это место называли горой Истины.

Что ж, теперь узнает и запомнит навсегда.

Отсюда, с южной стороны высочайшего городского холма, море открывалось наблюдателю как с востока, так и с запада. Впереди же протянулся длинный, шириной в поллака коридор суши, Ланс, уходящий к далекому континенту, представленному в этот день едва различимыми на горизонте контурами. В самом узком месте полуостров пересекали сложенные из серого камня южные стены Бар-Хоса, более известные как Щит.

Стены эти – защищавшие город, а также остров Хос, житницу Мерсианских островов, от вторжений с суши на протяжении трех с лишним столетий – достигали в некоторых местах высоты девяносто футов. Во многих местах их венчали орудийные башни. Именно от них получил свое имя и город Бар-Хос – «Щит Хоса». Всего защитных линий насчитывалось шесть; по крайней мере, так было до прибытия маннианцев, захватнические намерения которых под-

тверждали развернутые боевые стяги. Теперь путь неприятелю преграждали только четыре каменных пояса, причем два были возведены относительно недавно. В дальней, ставшей теперь передовой, стене не осталось ни ворот, ни проездов – все они были заложены камнем и залиты раствором.

Гора Истины предлагала самый лучший обзор, и только отсюда простые горожане могли увидеть, что за противник угрожает Бар-Хосу и какой силы натиск сдерживают старинные стены. Вот и Джуно удивленно заморгал, окинув взглядом расположившееся за Щитом войско маннианцев. Казалось, узкую равнину затопил белый поток, наглядно демонстрировавший внушительную мощь Четвертой Имперской армии.

По мере того как пыливый детский ум вбирал новые детали, юное лицо бледнело, а глаза расширялись.

Весь Ланс был занят теперь палаточным городком, аккуратно разделенным прямыми улицами деревянных строений. Между палаточным городком и Щитом пролегли бесчисленные линии земляных укреплений, защитных валов, воздвигнутых поперек пыльной желтой равнины, и извилистых канав, заполненных черной водой. За этими укреплениями расположились пушки и осадные орудия, напоминающие дремлющих под жарким солнцем чудовищ. Обстреливая город, чудовища извергали дым и огонь. Канонада эта, неторопливая, но ведущаяся с пугающей регулярностью, продолжалась – чего никто не ожидал – последние десять лет.

– Ты появился на свет в первый день штурма, – сказала Марли, доставая из корзины буханку сладкого медового киша. – Схватки начались рано, и ты был такой маленький... как зернышко. Думаю, случилось так из-за потрясения – в то утро погиб мой отец.

Джуно как будто и не слышал мать; все внимание мальчика занимала открывшаяся ему картина. В прошлом он неоднократно просил рассказать о дне своего рождения – и получал максимально урезанную версию с изложением голых фактов. У каждого из родителей имелись веские и несовпадающие причины не вспоминать без крайней необходимости тот далекий уже день.

Когда-нибудь узнает, подумал Бан, опускаясь на траву и окидывая панораму взглядом профессионала. Слова жены встряхнули память, вызвав череду непрошенных воспоминаний.

Когда началась война, ему только-только исполнилось двадцать три. Бан до сих пор хорошо помнил, где находился в тот день, когда пришли известия о первых беженцах с континента. Он сидел в баре «Пьяный монах», уже не вполне трезвый после четырех кружек черного эля, так и не заглушивших мучившую его жажду. Настроение было паршивое: работа клерком в городском воздухопоре давно опротивела, необходимость безмолвно сносить придирки бригадира, коротышки диктатора наихудшего образца, раздражала донельзя, а зарплату они с Марли с трудом растягивали до конца каждой недели.

Первым тревожное известие доставил только что вернувшийся с юга торговец шкурами. В баре толстяк появился раскрасневшийся и потный, как будто бежал всю дорогу. Патия пала, с порога объявил он срывающимся голосом. Патия, их южный сосед, считалась традиционным врагом Бар-Хоса, и именно для защиты от нее возвели когда-то Щит. В баре эту новость приняли в наступившей вдруг мертвой тишине. Шок и удивление возрастали в равной пропорции по мере того, как торговец продолжал рассказ. Король Оттомек V, презираемый народом тридцать первый монарх династии Сансе, имел глупость попасть в плен живым. Его привязали к белой лошади, которую прогнали галопом по улицам покоренного Байрата. К концу пути несчастный почти полностью лишился кожи, а также носа, ушей и гениталий. Едва живого, свергнутого короля бросили в колодец, где он продержался целую ночь, моля о пощаде и получая в ответ насмешки. На рассвете колодец забросали камнями.

Судьба злосчастного монарха произвела впечатление даже на не отличающихся особой чувствительностью завсегдатаев пивной: кто-то качал головой, кто-то проклинал маннианцев. Бану стало не по себе, поскольку плохие новости касались всех. Сколько он помнил себя,

маннианцы постоянно вели захватнические войны, покоряя один за другим народы, жившие вокруг внутреннего моря Мидерес. Никогда, однако, они не подходили так близко к Хосу. Вокруг него разгорался спор: посетители кричали, выражая чувства, и даже пытались шутить. Бан вышел на улицу и поспешил домой, к жене, с которой жил чуть больше года. Вбежав по ступенькам в их маленькую сырую комнатку, расположенную над общественной баней, он выложил новости одной тирадой – длинной, отчаянной и произнесенной не вполне трезвым голосом. Марли попыталась успокоить его мягкими словами, а потом даже приготовила чи. Удивительно, что руки у нее совершенно не дрожали. Потом они занялись любовью – Бану требовалась какая-то разрядка – на скрипучей кровати, и она постоянно смотрела ему в глаза.

Вечером они вдвоем поднялись на плоскую крышу, откуда слушали – вместе с другими горожанами – крики и мольбы тысяч беженцев, столпившихся у крепостных стен. В отношении к этим несчастным мнения жителей Бар-Хоса разделились: одни требовали открыть ворота, другие, распаляясь, насылали проклятия на головы извечных врагов. Бан помнил, что Марли тихонько молилась за «бедняжек», обращаясь к Эрес, великой Матери Мира, и ее накрашенные губы зловеще шевелились в чудном свете повисшей над южным горизонтом двойной луны. «Сжался, милосердная Эрес, позволь им войти в город, позволь обрести убежище».

Открыть ворота распорядился на следующее утро сам генерал Крид. Хлынувшие в город беженцы рассказывали страшные вещи об убийствах и предании огню целых поселков, жители которых оказали сопротивление захватчикам.

И все же большинство горожан полагали, что уж им-то ничто не угрожает. Великий Щит защитит всех. К тому же маннианцы будут слишком заняты установлением своего порядка на завоеванных южных территориях.

Бан и Марли жили как могли. Она снова забеременела и старалась не принимать ничего близко к сердцу, чтобы избежать еще одного выкидыша. Марли пила травяные отвары, которыми ее снабжала повивальная бабка, и часами просто сидела у окна, глядя на улицу и инстинктивно, оберегая ребенка, держа руку на животе. Иногда к ним приходил ее отец, мужчина громадного роста, настоящий великан, с суровым лицом и постоянно прищуренными глазами – с возрастом у него ухудшилось зрение. Дочь была его сокровищем, и двое, отец и муж, словно соревнуясь друг с другом, окружали ее невыносимой заботой и вниманием. В конце концов терпение лопалось и Марли взрывалась, но даже это останавливало их ненадолго.

Прошло около четырех месяцев, прежде чем Бар-Хос услышал о приближении имперской армии. Настроение горожан почти не изменилось. В конце концов их защищали шесть стен, высоких и прочных. Тем не менее городской совет объявил набор добровольцев в ряды Красной Гвардии, изрядно сократившейся за предыдущие десятилетия мира. Бан вряд ли подходил на роль солдата, но, будучи романтиком в душе и чувствуя ответственность за жену, ребенка и дом, остаться в стороне не мог. Бросив без лишнего шума работу – однажды утром он просто не пошел в контору, испытал злорадное удовольствие при мысли о том, как бесится в его отсутствие бригадир, – он в тот же день записался в ряды защитников города. На построении у главной казармы ему вручили старый, с зазубринами меч, красную, отдающую плесенью шерстяную накидку, круглый щит, кирасу, пару наголенников, не по размеру большой шлем и... одну-единственную серебряную монету. Каждое утро он должен был являться на Стадион Оружия для военных занятий.

Бан еще не успел запомнить имена всех товарищей по роте, таких же зеленых новичков, как и он сам, когда подъехавший к воротам маннианский герольд потребовал сдать город. Условия капитуляции были просты: откройте ворота, и большинство пощадят; будете драться – погибнут или попадут в рабство все. Сопrotивляться божественному предопределению Святого Манна, громогласно объявил герольд, бессмысленно и невозможно.

Кто-то из стоявших на стене метким выстрелом сбросил герольда с коня. Гвардейцы встретили успех товарища восторженными криками – первая кровь.

А город затаил дыхание – что же будет дальше?

Поначалу в это просто не верилось. Целых пять дней Четвертая Имперская армия сосредотачивала силы для осады. Десятки тысяч воинов занимали четко определенные позиции, ставили палатки, возводили земляные валы, рыли рвы, подтаскивали невиданного размера и мощи орудия, поднимали высоченные осадные башни – и все это на глазах у защитников Бар-Хоса.

Первый залп начался с пронзительного одиночного свистка. И тут пушечные ядра ударили в стену, а одно, перелетев ее, упало на сосредоточившихся в тылу резервистов и взорвалось с оглушающей силой. Гвардейцы на парапете укрылись и стали ждать.

В то утро, когда случился первый сухопутный штурм, Бан с несколькими другими новобранцами стоял за главными воротами первой стены. На одной его руке висел тяжелый щит, в другой он держал меч. Никто толком не выпался. Всю ночь на них сыпались вражеские снаряды, и всю ночь с неприятельских позиций доносились пронзительные, рвущие нервы звуки горнов. Теперь, на рассвете, он думал только об одном: там, дома, его беременная жена сходит с ума от беспокойства за мужа и отца.

Маннианцы налетели, как перекатившаяся через скалы волна. Вооружившись лестницами и выдвинув вперед осадные башни, они атаковали укрепления мощной, сметающей все на своем пути шеренгой. С ужасом и изумлением Бан взирал на то, как закованные в белые латы люди бросаются на защитников города, вздрагивал от безумных воинственных воплей, каких не слышал никогда раньше, и режущих ухо завываний, произвести которые не могла, казалось, человеческая глотка. Он знал, что имперские солдаты употребляют перед боем какой-то наркотик, помогающий рассеять страх. И действительно, маннианцы дрались неистово, как бешеные, с полнейшим пренебрежением к смерти. Их свирепость поражала оборонявшихся. Защитные линии прогнулись.

По сути, то была бойня. Люди падали со стен и разбивались насмерть. Кровь стекала по желобам парапета, как дождевая вода, и пробегавшим под ними солдатам приходилось поднимать над головой щиты. Где-то там, наверху, в этом кровавом хаосе сражался его тесть. Бан не видел, как он упал.

Откровенно говоря, в тот день он вообще не воспользовался мечом и даже не сошелся лицом к лицу с неприятелем.

Бан стоял плечом к плечу с другими солдатами своей роты, со многими из которых еще не успел перекинуться и парой фраз. Бледные как мел, притихшие, они вовсе не рвались в бой. Затаив дыхание, он вслушивался в звуки схватки и ощущал предательскую слабость во всем теле и головокружение, подобное тому, что испытываешь при свободном падении. Меч он держал перед собой, как палку, да и воспользоваться им вряд ли смог бы с большей пользой.

Кто-то не выдержал и наложил в штаны. Распространившаяся вонь вовсе не способствовала пробуждению мужества у остальных, вызвав лишь желание бежать куда подальше. Новобранцы дрожали, как жеребята, застигнутые пожаром в конюшне.

Бан так и не понял, почему распахнулись ворота. Только что они все стояли за ними, массивными и прочными, казавшимися неприступными. Сосед слева, пекарь Ралл, бормотал что-то насчет того, что шлем и щит купил за свои деньги, на базаре, но Бан почти не слушал. И вдруг некая сила швырнула его на землю, и он обнаружил, что лежит на спине, хватая ртом воздух, что голова гудит, а в ушах стоит звон. Он попытался вспомнить свое имя и что здесь делает, почему видит над собой молочно-голубое небо с проносящимися по нему клубами пыли.

Подняв голову, Бан увидел, что все вокруг усыпано каменными осколками. Пекарь Ралл кричал что-то ему в лицо, неестественно широко раскрывая рот. Левой рукой пекарь поддерживал обрубок правой – оторванная кисть болталась на тонком, как бечевка, сухожилии. Ударившая вверх струя крови изогнулась аркой и блеснула, поймав солнечный луч. Только тогда

Бан почувствовал боль, что впились зубами в его разорванные щеки. Почувствовал и горячее дыхание Ралла на своем лице, хотя криков его так и не слышал. Повернув голову, он посмотрел на ворота между ногами оставшихся стоять людей, но увидел жуткую мешанину окровавленного мяса, костей и хрящей, в которой еще шевелилось что-то живое. Ворот уже не было. Их место заняла плотная завеса черного дыма, сквозь которую тут и там прорывались вопящие белые фигуры.

Бан кое-как поднялся. Те из его роты, кто еще уцелел, побежали к брешу. Предприятие это выглядело чистым безумием: плохо вооруженные и не обученные ремеслу войны крестьяне и торговцы бежали к тем, кто пришел убивать. Он смотрел на них, и в какой-то момент что-то полыхнуло в нем самом. Ему передался их порыв, их отчаянная смелость. Там, где повсюду лежали мертвые товарищи, где бродили обезумевшие от боли раненые, они нашли в себе мужество броситься на врага. Что-то шевельнулось в нем. Он вспомнил про меч и уже собрался побежать на помощь тем немногим, кто пытался преградить путь смертоносному потоку.

Но меча в руке почему-то не было. Бан поискал его взглядом и снова увидел стоящего на коленях старика Ралла, который все еще кричал что-то.

«Что ему нужно? Уж не ждет ли, что я поправлю ему руку?»

У самих ворот защитников города рубили как капусту. Как-никак, они были всего лишь зелеными новобранцами, столкнувшимися с закаленными ветеранами. За спиной у Бана орал, брызжа слюной, сержант. Его никто не слушал. Все кричали, толкались, ругались и не желали становиться в строй.

Бан понял, что все бесполезно. К тому же он лишился меча. Конечно, на земле валялось немало оружия, но не было нужного, с правильным номером на рукояти, а для него было жизненно важно найти именно свой, выданный ему клинок. Возможно, если бы поиски увенчались успехом, он тоже бы погиб в тот день. Но в какой-то момент потребность драться испарилась, и Бан поймал себя на том, что больше всего хочет еще раз увидеть Марли. Увидеть их ребенка, когда тот родится. И просто жить.

Подхватив старика Ралла, он взвалил его на плечо. Ноги подгибались, колени дрожали, но страх придал дополнительную силу. Вместе с толпой охваченных паникой людей, увлекаемый ею, он добрался до ворот второй стены. Никто уже не кричал, никто не разговаривал, слышалось только сопение и надсадный кашель. Даже Ралл перестал вопить и принялся благодарить его, роняя слова в такт неровным шагам Бана.

Разгром был полный, и таким же было отступление. Сотни людей спасались бегством, бросая оружие и щиты. Расстояние между двумя стенами было невелико, но ноша быстро тяжела, так что Бан неизбежно стал отставать от основной массы. Пекарь подгонял его, предупреждая, что враг уже близко, но Бан и не нуждался в подсказке, он уже слышал за спиной дикие завывания разгоряченных преследователей.

Они были последними, кто успел проскочить в ворота, перед тем как громадные створки с грохотом сошлись и закрылись. Менее удачливые остались по ту сторону. Они стучали, требовали и просили. Кричали, что дома у них жены и дети. Проклинали и умоляли. Их не впустили.

Свалившись без сил на землю, Бан слышал крики несчастных и больше всего на свете радовался тому, что там остался не он.

А потом, даже не попытавшись встать, долго лежал, уткнувшись лицом в грязь, и плакал.

Теплый и влажный порыв ветра промчался над горой Истины. Бан выдохнул задержавшийся в легких воздух и вернулся в настоящее, на холм, на залитую летним солнцем вершину. Его сын все еще смотрел вниз, на стены.

– Пить будешь? – спросила Марли, протягивая мужу кувшин с сидром. Двигалась она осторожно и говорила негромко, чтобы не разбудить уснувшую дочь. Во рту пересохло. Бан

отпил немного, подержал во рту сладковатый сидр, проглотил. Интересно, что же так прилекло внимание сына.

Обстрел велся и сейчас, хотя и не слишком интенсивный. Время от времени какой-то снаряд ударялся о пока еще не поврежденную внешнюю стену и, срикошетив, падал на землю. В первую очередь надежной защитой служил огромный земляной гласис, отражавший или поглощавший вражеские снаряды. Только благодаря таким вот нововведениям город выдерживал непрерывную осаду маннианцев на протяжении столь многих лет. И все же кое-где укрепления осели, а в зубцах зияли бреши. Где-то там, за кучками камней и уцелевшими башенками прятались бойцы Красной Гвардии и среди них артиллерийские расчеты, обслуживавшие баллисты и пушки, которые постоянно вели огонь по неприятельским позициям.

За тремя другими, внутренними стенами возводилась между тем еще одна. Пока под неослабевающим напором маннианцев, стоившим им немалых материальных затрат, пали четыре оборонительных рубежа. Защитникам Бар-Хоса за то же время удалось возвести два новых, но все понимали, что вечно так продолжаться не может. Последнее строительство шло в непосредственной близости от канала, разрезавшего Ланс и соединявшего два залива. От канала было уже рукой подать до горы Истины, за которой лежал сам город.

Рано или поздно им просто не хватит места.

Внимание Джуно привлекла внешняя стена. Та, что и подвергалась сейчас обстрелу. Кроме баллист и пушек, время от времени напоминавших врагу о своем существовании, здесь стояли краны, поднимавшие на стену огромные ковши, заполненные камнем и землей. Одни рабочие то и дело исчезали из вида, спускаясь на веревках с дальней стороны стены, другие просто высыпали содержимое ковшей на гласис. На глазах у Бана и сына группа рабочих исчезла вдруг в облаке разлетевшегося мусора.

Джуно ахнул.

– Посмотри туда. – Бан протянул руку, отвлекая сына от страшного зрелища и направляя его внимание к объектам, расположенным между двумя стенами. Издалека они напоминали башни, хотя и не отличались высотой и были открыты со всех сторон. – Минные шахты, – объяснил он. – Подземная война не останавливается ни на час, и те, кто спускается туда, стараются не позволить врагу подорвать стены.

Мальчик посмотрел наконец на отца:

– Не совсем то, что я ожидал увидеть. И ты воюешь там каждый день?

– Далеко не каждый. Боев сейчас почти не бывает. По большей части все идет вот так.

Слова отца, похоже, произвели впечатление на мальчика. Он задумался. Заметив в глазах сына гордость, Бан отвернулся и с усилием сглотнул. Джуно знал, что его дед погиб, защищая город, и уже носил на поясе старый кинжал старика. Бан не сомневался, что и сегодня, возвратившись домой, он потребует дать несколько наглядных уроков по его применению. Джуно постоянно говорил о том, что, когда подрастет, пойдет по стопам отца. Поощрять такого рода амбиции Бан не собирался. Пусть уж лучше сын станет странствующим монахом или запишется матросом на какую-нибудь торговую посудину. Только бы не остался здесь, где его ждет неизбежный конец.

Словно угадав настроение отца, Джуно негромко спросил:

– Сколько еще мы сможем продержаться?

Бан удивленно моргнул. Вопрос солдата, а не мальчишки.

– Папа?

Он едва не солгал, хотя и понимал, что это было бы оскорбительно для мужающего парня. Но рядом сидела Марли, воспитанная на том, что человек всегда должен смотреть правде в лицо, какой бы горькой она ни была. Бан знал, что и сейчас жена наострила ушки, ожидая его ответа.

– Мы не знаем, – признался он и на мгновение зажмурился от ударившего в глаза ветра. На губах появился вкус соли. Словно от засохшей крови.

Открыв глаза, Бан увидел, что Джуно снова смотрит на стены и на маннианский лагерь и как будто считает видимые знамена: с одной стороны хосские, со щитом, и мерсианские, с завитком на сине-зеленом фоне; с другой – имперские, с красной рукой Манна – край мизинца срезан, – вышитой на белом поле. Знамен этих были сотни.

– Надежда есть всегда, – сказала Марли, желая ободрить сына.

Джуно снова посмотрел на отца.

– Да, надежда есть всегда, – согласился Бан, так и не найдя сил ответить на вопрошающий взгляд сына.

Глава 2. Бун

Его снова толкнули. Сильнее. Ногой.

– Твой пес. – Голос проникал через тонкое одеяло. Женский. Недовольный. – По-моему, он сдох.

Нико заставил себя приоткрыть глаза. Чуть-чуть, чтобы утренние лучи запутались в ресницах. Свет был слишком яркий. Вылезать из-под теплого одеяла не хотелось. Да и рано еще.

– Отстань, – пробормотал он.

Одеяло слетело, и свет залил его целиком. Нико прикрылся ладонью и, щурясь, выглянул в щелочку между пальцами. Над ним, подбоченясь, стояла девушка. Лена, вспомнил он.

– Твой пес, – повторила она. – Похоже, сдох.

Смысл ее слов дошел не сразу. В последние дни переход от сна к бодрствованию давался трудно: утро не сулило ничего хорошего, и встречать очередной унылый день не было ни малейшего желания.

– Что? – Он сел и хмуро посмотрел на девушку. Потом, с той же недовольной миной, на солнце, которое, судя по всему, поднялось на несколько часов раньше и забралось довольно высоко. Бун лежал рядом, там же, где и уснул накануне вечером. Пес еще спал, но над его мордой кружились мухи. – Что?

Нико отогнал мух, погладил собаку до светлой шерсти. Бун не шевелился.

– Он все утро такой, – донесся как будто издалека голос Лены. – И с нами скоро будет то же самое, если не добудем приличной жратвы.

– Бун?

В безжалостно ярком свете пес выглядел далеко не лучшим образом: худой, с торчащими ребрами и резко очерченным позвоночником. Кожа да кости. Некоторое время Нико ждал, в глубине души надеясь, что Бун дернет ухом или подаст какой-то другой знак, указывающий на то, что жизнь еще не покинула его, что он просто спит.

Но пес не шевелился.

Нико снова лег на траву, натянул на голову одеяло и положил руку на неподвижный бок старого друга.

Летняя сушь запекла землю, так что Нико сначала разбил твердую, как камень, глину ножом и только потом выкопал могилу голыми руками. Он выбрал место под старым деревом, к югу от парка и неподалеку от их стоянки. Работать пришлось под пристальными, жадными взглядами. В последние месяцы он не раз отгонял желающих выкрасть собаку. Изголодавшие, отчаявшиеся люди не брезгуют ничем. Нико кричал на них, иногда швырял палки. Бун обычно стоял рядом и рычал. Теперь сил хватило только на сердитый взгляд. По перепачканному пылью лицу текли, оставляя грязный след, горячие слезы. «Убью любого, кто только тронет», – поклялся Нико.

Пес весил не больше связки хвороста. Нико поднял его и опустил в неглубокую ямку. Постоял на коленях, поглаживая некогда шелковистый, с золотым отливом мех. Над телом снова кружили мухи.

Щенка принес домой отец. Нико и самому было лишь несколько месяцев.

– Это твой товарищ. Его дело – присматривать за тобой, – объяснил отец, когда Нико подрос.

К тому времени Бун и сам вырос и превратился в здоровую, сильную собаку. Мальчик и пес были неразлучны. Бун принадлежал к породе, выведенной специально для охоты на медведей и оленей; ему бы носиться по лугам и лесистым склонам. Последний год, прожитый впроголодь на городских улицах, не пошел Буну на пользу.

И вот...

С тяжелым сердцем Нико сгреб землю в могилу и разровнял небольшой холмик.

– Прощай, Бун. – Голос сорвался на сухой шепот, прозвучавший печально, как стон ветра под пустым небом.

Он поднялся, нахлобучил на голову соломенную шляпу. Хотелось сказать что-то еще, но слова, обычно легко соскакивавшие с языка, куда-то подевались.

Поперек могилы лежала тень: крепкое тело, ноги расставлены, руки сжаты в кулаки, голова под шляпой напоминает что-то несуслазное. Сухая глина казалась под тенью черной.

– Прости, что я взял тебя в город. Но я рад, что мы были здесь вместе. Без тебя я бы не продержался так долго. Ты был верным другом.

В подавленном настроении он спустился к искусственному озеру, отыскал свободное место на берегу и вымыл руки. Под ногтями осталась грязь. Копая, он содрал кое-где кожу, и кровь расплывалась крохотными облачками в мутной воде.

Нико достал из мешка кусочек ароматической коры, окунул в воду и стал тереть зубы. На губах оставался неприятный, гнилостный привкус. Как силос. Он сплюнул и насухо вытер губы рукавом. Потом долго, до рези в глазах, смотрел на отражавшийся в воде ослепительно-яркий диск солнца.

Бродившие бесцельно мысли понемногу возвращались, осторожно занимали привычные места. «Прогуляйся. Встань и прогуляйся. Просто пройдишься».

Нико поднялся, подобрал и закинул за спину мешок с нехитрыми пожитками. «Вот и все твоё богатство». В голову ударила кровь. Он покачнулся. Слабость и тошнота накатили одновременно. Парк был полон людьми, главным образом беженцами. Заросшие высокой травой лужайки давно вытоптаны. От деревьев остались торчащие из земли жалкие обрубки. Нико осторожно переставил ногу и, поймав ритм движения, медленно двинулся вперед. Никакой цели не было, и он просто брел между навесами, деревянными будками, пестрыми палатками, сшитыми из старой одежды. Грязные, худые как щепки детишки. Мужчины и женщины с пустыми глазами, из последних сил поддерживающие друг друга. Иногда встречались хосы, но куда больше было южан, патианцев и наталийцев. Попадались и появившиеся в последнее время северяне, беженцы с Лагоса и Зеленых островов. Хотя их и было уже немало, держались они непривычно тихо. Тут и там лаяли собаки. Хныкали младенцы, которым не доставало материнского молока. И все же большинство приберегало силы для чего-то более важного, чем пустые разговоры.

Запах готовки пробудил дремавший желудок, и в животе заурчало. Две последние недели он не ел ничего, кроме так называемого «супа нищих» – горячего чи с кусочками киша. На такой диете долго не протянешь. Штаны снова сползали, хотя он лишь пару дней назад пробил в ремне новую дырку. Иногда ему казалось, что грязная рубашка уже цепляется за проступившие под кожей ребра. Лена права: если он в самое ближайшее время не добудет приличной еды, то просто сляжет и умрет. Как Бун.

«Просто иди», – шепнул внутренний голос.

Протиснувшись через главные ворота парка Солнечной Ласточки, Нико оказался в жилом квартале. Люди здесь прогуливались неторопливо, занятые приятными разговорами или погруженные в какие-то свои мысли. По мостовой катились, дребезжа, рикши с одиночными пассажирами. С юга доносилось гроыханье орудий.

Нико направился к центру города. Босые подошвы громко шлепали по камням. Пройдя несколько кварталов, он свернул за угол, вышел на улицу Лжи и как будто переместился из глубокой пещеры в ревущий ураган. Здесь предпочитали не говорить, а кричать. Целые орды уличных артистов трясли колокольчиками, пиликали на скрипках и дули в рожки. На протянутых через улицу бечевках болтались колокольчики. Звенели монеты. Казалось, жители Бар-Хоса озабочены лишь тем, чтобы произвести как можно больше шума и не слышать ничего, что напоминало бы о длящейся много лет осаде.

Деревья здесь растянулись едва ли не до самого конца улицы. На голой ветке одного из них, склонившегося в сторону мостовой, сидела, с любопытством поглядывая вниз, черно-белая сорока. Нико привычно кивнул птичке.

Обычный жест, но в этот раз кивок отозвался воспоминанием о другом утре. Утре того дня, когда он навсегда ушел из дома.

Тогда он тоже видел пику. Птаха проводила его, выскользнувшего из дома на рассвете с мешком на плече и забитой романтической чушью головой, пронзительным щебетом, весьма напоминающим издевательский смешок. Нико всегда относился к пике так же, как и к связанному с ней дурацкому суеверию. И все же он кивнул ей, как всегда делала его мать, а потом свернул на тропинку, которая вела к прибрежной дороге, и уже через четыре часа оказался в городе. В тот день ему вовсе не хотелось искушать судьбу.

Понимание того, что уход из дома вовсе не такое радостное событие, каким оно представлялось раньше, пришло довольно быстро. С каждым шагом в груди росло и обострялось чувство вины. Он знал, что мать сильно расстроится, когда обнаружит, что сын ушел от нее, даже не попрощавшись. И Бун... Бун тоже будет тосковать... по-своему, по-собачьи.

Перед тем как уйти, Нико осторожно погладил старого друга, спавшего на старом одеяле у него под кроватью. Годы брали свое, и Бун уже не вскакивал с первым светом. Пес тихонько твякнул, но глаз не открыл.

– Я не могу взять тебя с собой, – прошептал Нико. – Тебе в городе не понравится.

Сомнения еще оставались, а потому он не стал задерживаться и торопливо сбежал по ступенькам.

Как бы там ни было, чувство вины его не остановило, хотя потом, когда он подходил к дороге, ударило с новой силой. Позади остались рощи палочного дерева и колышущиеся под ветром заросли красной травы, а впереди лежало бескрайнее неизведанное пространство и пугающее, неопределенное будущее. Смущенный и ни в чем уже не уверенный, он, наверное, повернул бы обратно, вернулся в дом, где прошло детство, если бы мог рассчитывать на какую-то мало-мальски приемлемую альтернативу. Но никакой альтернативы не было. Уж лучше убежать, чем жить в этой гнетущей атмосфере, в одном доме с Лосом, последним «дружком» матери. Мошенником и негодяем. Человеком, которого он презирал.

В то утро ему исполнилось шестнадцать. Свернув за угол, потеряв из виду родной дом, он испытал такое беспокойство, такое одиночество, такой упадок духа...

Услышав за спиной мягкие, приближающиеся шаги, Нико невольно улыбнулся.

Настигнув его, Бун радостно завилял хвостом.

– Иди домой! – прошипел Нико без особой, впрочем, искренности.

Высунув язык, пес тяжело дышал, всем своим видом демонстрируя, что намерен сопровождать друга, куда бы тот ни направил стопы.

Нико предпринял еще одну, не слишком убедительную попытку прогнать пса, но быстро сдался и похлопал Буна по загривку.

– Ну, тогда идем.

Солнце уже светило ярче.

Так началась их самая долгая прогулка.

Теперь, вспомнив тот день, Нико улыбнулся. Как же давно это было. Казалось, прошла целая вечность. А на самом деле всего лишь год. Перемена – вот истинная мера времени. Перемена и потеря.

Теперь Нико шел вместе со всеми, в общем направлении к базару или бухте. Куда именно, он еще не решил, потому что и не думал. По обе стороны от него высились трех- и четырехэтажные здания. Взгляд скользил по крышам, где жильцы выращивали зелень. В вышине, над каминными трубами, застыли воздушные шары, удерживаемые прочными канатами. Под ними болтались плетеные корзины. Из одной выглядывал мальчишка. Заслонившись ладонью от

солнца, он смотрел в сторону побережья – с находящихся там сигнальных платформ поступали уведомления о приближающихся торговых кораблях. Слепящее солнце безжалостно выбеливало голубое полотно неба. Кружившие над шарами чайки казались крохотными песчинками.

На перекрестке Нико по привычке свернул налево, на улицу Гато. К базару. Выбор неосознанный, а потому еще более странный. Базар – не самое подходящее место для человека без средств и с пустым желудком. Но именно там они с матерью продавали сваренный дома самогон, когда раз в месяц приезжали в город на скрипучей телеге. Зарабатывали мало, но Нико ждал этой поездки весь месяц, как волнующего и вместе с тем безопасного – рядом всегда была мать – приключения.

Едва ступив на территорию рынка, Нико чуть не налетел на толкавшего пустую коляску рикшу. В последний момент мужчина успел увернуться. Вот где настоящее столпотворение. Базар, занимавший такую огромную площадь, что его края терялись в дыму и дымке, с одной стороны открывался к набережной и облицованной серым камнем бухте, над которой всегда качался целый лес мачт. С трех других сторон его ограничивали тенистые галереи закусовых, постоянных дворов и храмов, посвященных Большому Глупцу. Между ними тянулись лабиринты палаток и торговых прилавков, где тысячи людей толкались, кричали и жестикулировали, предлагая свой товар. Нико вдруг захотелось затеряться в этой давке, раствориться в толпе, отдаться на волю потоку.

Отгнав жужжащих у лица мух, Нико вдохнул тяжелый, сырой запах пота, острых специй, навоза, благовоний, фруктов. В животе горело. Желудок поедая сам себя и вытягивал соки из изнуренного тела. Кружилась голова. Глаза выискивали исключительно прилавки с продуктами, многие из которых уже наполовину опустели. Мысли вертелись вокруг одного: схватить яблоко, кусок копченого краба... все равно что. Он гнал их, понимая, что, если дойдет до погони, сил, чтобы убежать, не хватит.

На какое-то время, просто для того, чтобы отвлечься от соблазнов, Нико остановился в тени палатки послушать пение уличных торговцев. Мелодии ласкали слух, хотя искать в их словах какой-то глубокий смысл не стоило: продавцы воспевали предлагаемые товары и превозносили установленные на этот день цены. Ни на что особенно не рассчитывая, Нико поинтересовался, нет ли у них какой-нибудь еды в обмен на работу. Все, к кому он обращался, только качали головой, не желая тратить время на попрошайку. Сами едва выживаем, говорили их глаза. Одна старушка, у которой отрезки праздничных кружев соседствовали с корзинами полусгнившей картошки, усмехнулась, как будто услышала занятную шутку. Впрочем, заметив его голодный взгляд и впавшие щеки, она смягчилась.

– Приходи через пару дней. Имей в виду, я ничего не обещаю, но, возможно, мне понадобится небольшая помощь. Придешь?

Нико поблагодарил ее, хотя и знал, что надежды мало. Да и где он будет через пару дней?

Может быть, пора вернуться домой? Что ему делать в городе? В Красную Гвардию не поступить; он много раз пытался записаться добровольцем, как когда-то отец, но его не принимали из-за возраста, а выглядеть старше не получалось. Весь последний год он перебивался редкими случайными заработками, чаще всего в порту, где таким, как он, платили жалкие гроши. Дни в промежутках заполняло отчаяние. Все объяснялось просто: слишком много народу и слишком мало работы. К тому же из-за длительной осады положение с продовольствием постоянно ухудшалось, и выживать становилось все труднее.

Да, рыхлая островная конфедерация под названием Мерсия оставалась свободной, но маннианцы установили эффективную морскую блокаду, так что надежных торговых путей просто не существовало. Поскольку государства Мидереса, за исключением пустынного Халифата на востоке, оказались под властью Империи, то и все прилегающие воды патрулировались имперскими флотами. Единственным торговым маршрутом, связывавшим Бар-Хос с Мерсией,

оставался занзахарский, но и на нем конвои подвергались опасности. Пробиваться приходилось с боями, и при этом корабли постоянно становились добычей неприятеля.

Морская и сухопутная блокады служили удавкой, постепенно затягивавшейся на шее Свободных портов, и в результате люди выживали только за счет бесплатного киша, раздачу которого организовал городской совет. Некоторые горожане выращивали что-то на крышах или на крохотных огородах. Другие становились на кривую дорожку преступлений или проституции. Третьи пытались выдавать себя за монахов Дао, которым закон все еще позволял выпрашивать милостыню на улицах. Большинство же просто голодали, как Нико.

Дома, по крайней мере, не придется беспокоиться о хлебе насущном и крыше над головой. К тому же, зная маму, можно ожидать, что она либо выгнала Лоса, поняв его истинную сущность, либо он сам сбежал от нее, прихватив, несомненно, все более-менее ценное, а значит, место отца занимает кто-то другой.

Останавливало одно: возвращение к матери означало бы признание того, что он неудачник, неспособный стоять на собственных ногах.

«Но ты и есть неудачник. Даже о Буне не смог позаботиться. Дал ему умереть».

Нет, к этому Нико готов еще не был, а потому и мысль о возвращении отогнал решительным кивком.

Время близилось к полудню, и навесы уже трепетали под горячим дыханием асаго, приходившего всегда в это время года и особенно в этот час. Удушающий зной гнал людей с улицы в относительную прохладу ближайших таверн, где жару можно перенести в тишине и покое, в размышлениях о делах или за игрой в иланг, потягивая из крохотных чашек густой чи. Почти не замечая жары и пользуясь тем, что площадь изрядно опустела, Нико направился к ее юго-западному углу, где она выходила к широкой бухте.

Там-то он и обнаружил уличных артистов, облюбовавших это место из-за выгодного положения между гаванью и базаром и близости к основному маршруту, по которому постоянно перемещались в обоих направлениях портовые грузчики. Многие из этой братии уже сворачивались перед сиестой, но самые стойкие – и, скорее всего, самые нуждающиеся – предпочли остаться, невзирая на духоту. Миновав жонглеров, фокусников, предсказателей и монахов с их чашами для подаваний – его мать всегда называла их самозваными побрирушками, Нико заметил разыгрывающих некое представление актеров и пробился через толпу поближе к импровизированной сцене.

Труппа состояла всего лишь из трех человек, двоих мужчин и женщины, которых он никогда прежде не видел.

Сюжет представленной ими пьесы не отличался ни изощренностью, ни оригинальностью. Незамысловатая история любви бедного рыбака и прекрасной морской ведьмы излагалась актером помоложе в незатейливом прозаическом стиле, быстро набиравшем популярность в последнее время и вытеснявшем затянутые и скучные старинные саги.

Двое других актеров, мужчина постарше и женщина, передавали действия и чувства своих героев пантомимой. Женщина, высокая, гибкая, восхитительно загорелая, исполняла роль морской ведьмы в соответствующем образе костюме, то есть обнаженная, если не считать длинных золотистых волос и нескольких ниток водорослей, прикрывающих самые пикантные места. Постоянные мелькания то бедра, то соска отвлекали внимание, так что Нико приходилось делать над собой усилие, чтобы кое-как следить за развитием сюжета.

Всем уличным представлениям он предпочитал актеров и смотрел их всегда, когда представлялась такая возможность. На его взгляд, женщина играла прекрасно, а ее таланты выглядели особенно впечатляющими на фоне бездарной игры партнера, державшегося манерно и самодовольно. Неудивительно, что зрители почти не обращали внимания на него и, как и Нико, пожирали глазами женские прелести.

Зачарованный зрелищем, Нико очнулся под аплодисменты, возвестившие трагическое завершение истории: последовав за возлюбленной, несчастный рыбак нашел смерть в морской пучине. Рассказчик уже пошел по кругу с пустой шляпой, когда Нико наконец опомнился и обнаружил, что стоит с открытым ртом. Актриса тем временем накинута на плечи тонкий халатик и, сняв декоративные водоросли, убрала их в деревянное ведерко. Откинув за спину волосы, она оглянулась на публику и перехватила восторженный взгляд юноши.

Случись такое год назад, он растерялся бы и смущенно отвел глаза, но теперь, пожив в городе и получив свою долю таких взглядов, Нико чувствовал себя увереннее. Он знал, что пользуется популярностью у прекрасного пола, хотя и не понимал, чем это объясняется. Каким-то уж особенно привлекательным он себя не считал и всегда, даже когда жил дома и не страдал от недоедания, был худым. Собственное лицо, когда Нико изучал свое отражение в потускневшем зеркальце матери, казалось ему странным: нос слегка вздернутый, губы слишком широкие и полные, щеки в веснушках, как у девчонки, а между бровями, если присмотреться повнимательнее, можно увидеть два маленьких круглых шрама – память о перенесенной в детстве ветрянке.

Честно говоря, Нико так и не понял, чем заслужил столь пристальное внимание соблазнительной актрисы. Ему достало твердости выдерживать ее спокойный, оценивающий взгляд достаточно долго, чтобы это время исчислялось секундами. Потом ее уверенность перевесила его дерзость, и он отвернулся.

– А ты покраснел, – послышался голос за спиной.

Лена. Девушка стояла в толпе и наблюдала за ним, шурясь от солнца. Выглядела она довольно мило; обычно ее патианские черты портила недовольная гримаска.

– Жарко. – Уголки ее тонких губ тронула улыбка. – А я тебя здесь не заметил, – добавил Нико с ноткой подозрительности.

– Я следила за тобой, – объяснила она спокойно, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся. – Хотела убедиться... ну... что ты в порядке.

Нико не поверил. До сих пор никакой заботы о чьем-либо благополучии за ней не замечалось. Интересно, что ей на самом деле нужно?

– Послушай, – продолжала она. – Мне жаль, что с твоей собакой так получилось. Правда. Но нам надо что-то делать. Надо как-то добыть еды.

Он пожал плечами:

– Сегодня бесплатных раздач уже не будет. Вообще-то я подумываю вернуться домой.

– Но ты же этого не хочешь?

– Не хочу.

– Вот и хорошо, потому что у меня есть идея получше. Может, и ты заинтересуешься. Я придумала, как раздобыть денег.

«А, вот оно что».

Она придвинулась ближе, задев грудью его плечо. Нико вздрогнул от неожиданности, сразу же заподозрив, что случайностью это не было. Пару секунд он изучающе смотрел на нее из-под надвинутой шляпы, не в первый раз спрашивая себя, что будет, если ее поцеловать.

– Почему-то я думаю, мне это не понравится, – произнес он слегка охрипшим голосом.

Лена отбросила упавшую на глаза темную прядку.

– Потому что не понравится, – негромко сказала она. – Но ведь и выбирать-то особенно не из чего, так?

Колючий ветер асаго неся по крышам домов, неся с собой миллионы мельчайших песчинок из Алхазской пустыни, расположенной в шестистах лаках к востоку от городу. Песок слепил глаза, заставляя шуриться и гримасничать. Высота всегда пугала Нико, и теперь ему не терпелось как можно скорее спуститься.

С крыш открывался вид на Щит и гору Истины, увенчанную плешью парка, над которой возвышалось высоченное, с множеством окон здание военного министерства. Ветер неожиданно стих, подарив несколько мгновений покоя. Чувство было такое, словно захлопнулась дверь духовки. Издалека донесся звук пушечного выстрела, за ним едва слышный крик.

– Это безумие. Что, если нас поймают?

– Послушай, – раздраженно бросила она. – Либо мы делаем это, либо я пойду в порт и задеру юбку перед первым же, кто согласится заплатить. Тебе что больше нравится?

– У тебя и юбки-то и нет.

– Может, если раздвину пару раз ноги, смогу позволить себе такую роскошь. А ты станешь моим сутенером. По-моему, тебе такое должно понравиться – стоять, сложив руки, в сторонке.

Нико вздохнул и двинулся вперед.

Обувь Лена предложила снять, чтобы лучше держаться на кровельной черепице, так что он, вняв совету, держал башмаки в руке. Голые подошвы и впрямь почти не скользили, но раскалившиеся на солнце плитки безжалостно обжигали пятки, заставляя двигаться побыстрее, почти пританцовывая.

– Ноги, – пожаловался Нико. – Ноги горят.

– Хочешь свалиться и расколоть башку?

– Я хочу поскорее отсюда слезть. Только и всего.

Она промолчала.

Они пробирались по скатной крыше высившейся над улицей трехэтажной таверны. Таверна занимала два здания, одно выше другого, и впереди их ждала вторая крыша, проходящая под побеленной стеной с осыпающейся штукатуркой и редкими узкими окнами. Одни были плотно закрыты, другие распахнуты настежь, и ветер трепал тонкие кружевные шторы.

Растянувшиеся на горячей черепице ящерицы бросали на чужаков недобрые взгляды. Нервно поглядывая по сторонам, Лена быстро проскользнула вперед, заглянула в первое открытое окно и тут же, услышав голоса, отпрянула. Пригнувшись, она прокралась к следующему, проверила комнату, качнула головой и двинулась дальше.

Нико запрыгал следом, боль уже стала невыносимой. Потом остановился и снова обулся. Что, во имя милосердной Эрес, он делает здесь, с этой девчонкой? И не занималась ли она чем-то подобным раньше? А ведь если поймают, им обоим грозит публичная порка.

– Сюда, – прошептала Лена, когда Нико приблизился к выбранному ею окну. – Залезай и загляни в сумку. Кошелек должен быть там.

– Я?!

– Да, ты. Ты пока еще ничего не сделал, только жалуешься.

– Лена, послушай, давай уйдем отсюда, пока не поздно. Я серьезно.

Она сердито посмотрела на него:

– Ты есть хочешь или предпочитаешь голодать?

– Не хочу, если для этого нужно заниматься такими делами. Ты, как хочешь, а я уйду.

Он отвернулся, но Лена схватила его за рукав.

– Я тоже серьезно. Если ты оказываешься, я сейчас же отправляюсь в порт. И мне наплевать, что там придется делать. Подыхать с голоду, как твой пес, не намерена.

Странно, но ее слова и этот жест подействовали на него как магическое заклинание. Желудок заворчал, подталкивая действовать, и он послушно кивнул.

Лена отпустила его рукав и подставила руки. Словно в тумане, плохо понимая, что делает, Нико скрипнул зубами и, воспользовавшись ее помощью, подтянулся.

Неуклюже, стараясь не шуметь, он пролез мимо кружевных штор, перевалился через нагретый солнцем оштукатуренный подоконник и спустил ноги на каменный пол. Потом, убедившись, что опора прочная, выпрямился и... замер от неожиданности.

На кровати лежал кто-то в темном.

Горло сдавило так, что он едва не задохнулся. Сердце заколотилось так, что слышно было, наверное, на улице. Человек на кровати, однако, не проснулся, грудь его поднималась и опускалась так же мерно и спокойно.

Присмотревшись, Нико заметил, что кожа у него черная. Фарландер, чужак из далекой страны и к тому же старик – на голове ни волоска, лицо худощавое, прорезанное глубокими морщинами. На щеке, перечеркнутой косым лучом, что-то блестело.

Старик плакал. Плакал во сне.

Из-за окна его подгоняла сердитым взглядом Лена. Но как пройти мимо этого странного старика с застывшей на щеке слезой? Нико сжал кулаки и, стараясь не обращать внимания на страх и взявшееся ниоткуда чувство вины, пробрался на цыпочках через комнату к стоявшему в углу стулу, на котором лежал кожаный дорожный мешок.

За окном ослабилась и махнула рукой Лена. Надо торопиться.

От пота щипало в глазах. Нико сунул руку в сумку. Из коридора донеслись голоса. Скрипнули половицы. Кто-то прошел мимо двери. *Быстрее, быстрее...* Неуклюжие поиски завершились наконец удачей – пальцы нащупали кошелек, тяжелый и пухлый от денег.

Лена снова махнула рукой, призывая поторопиться. Старик спал.

Нико уже шагнул к окну, когда взгляд зацепился за что-то свисающее со спинки стула. Некое ожерелье, только совсем не модное и не богатое – ни серебра, ни драгоценных камней. Грубоватое и даже уродливое, оно напоминало большой сморщенный орех, покрытый пятнами, похожими на засохшую кровь.

«Печать, – догадался Нико. – Старик носит печать».

Рука сама собой потянулась к подвеске, и в этот самый момент старик на кровати вдруг глухо застонал. Нико застыл на месте и медленно отвел руку. Надо же думать, что делаешь.

Повернувшись к окну, он от страха едва не выронил кошелек. Старик не спал, а сидел на кровати, глядя на него неподвижными глазами и как-то странно моргая.

Не будь пусто в животе, Нико наверняка наделал бы в штаны. Ноги словно приросли к полу. Он посмотрел на дверь, потом на окно. Облизал пересохшие от страха губы.

Фарландер медленно повернул голову, словно оглядывая комнату и ничего не видя. Похоже, он и впрямь был слеп.

– Кто здесь? – проскрежетал сухой, дребезжащий голос.

Остаться на месте больше не было сил. Шесть коротких шагов, и вот он уже за окном.

– Там... проснулся... – прошипел Нико, пробираясь за сообщницей по скатной крыше – подальше от места преступления, под презрительно-злыми взглядами ящериц.

– Похоже, он слепой, – бросила через плечо Лена. – Поживей! Не отставай.

У Нико так быстро не получалось. Он шел осторожно, глядя под ноги, чтобы не поскользнуться. Лена первой подошла к краю, но, прежде чем спуститься на крышу соседнего здания, повернулась и протянула руку:

– Давай сюда.

Нико остановился, прижав добычу к груди. Он уже не хотел этих денег, но отдавать их Лене почему-то казалось неправильным.

Она попыталась выхватить кошелек. Он уклонился, отступил, и в следующий момент левая нога, не найдя прочной опоры, поехала по плитке.

Падая на бок, Нико еще успел увидеть тянущиеся к нему руки Лены – ее, конечно, интересовал только кошелек – и бросившихся врассыпную ящериц. От удара вышибло дух, а мгновением позже он уже скатился к краю крыши, царапнул ногтями по карнизу, сорвался и, перевернувшись в воздухе, полетел вниз.

Остававшийся в легких воздух вырвался наружу испуганным воплем. Зацепив плечом вывеску, он рухнул на растянутый внизу навес, пробил его и увидел летящие навстречу камни мостовой. В последний миг Нико успел закрыть руками лицо.

Лежа среди обломков столика и навеса, под падающим мусором, щепками и чешуйками краски, он на какое-то время лишился чувств, а когда очнулся, увидел заботливо склонившуюся полную старушку. Другие посетители таверны не оправились от шока, а некоторые все еще таращились на него, не донеся до рта чашки с прохладным чи.

Перевести дыхание получилось не сразу. Он никак не мог поверить, что остался жив, как не мог отвести глаз от лежащей рядом соломенной шляпы.

Но самое худшее было еще впереди. Падая с крыши, Нико в какой-то момент выронил кошелек, и тот, хотя и продолжил неумолимое сползание к карнизу, делал это с неторопливым достоинством. В тот миг, когда добросердечная старушка протянула Нико руку помощи, кошелек, описав в воздухе дугу, ударился о камень перед лицом юноши и словно взорвался, разбросав по мостовой добрую пригоршню золотых и серебряных монет, которые звонко запрыгали по плитам. Ошеломленная, старушка охнула и вскинула руку к губам. Прохожие обернулись, с изумлением взирая на мальчишку и обрушившийся с неба денежный водопад. Все было ясно без слов.

– Вор! – крикнул кто-то, и крик этот повторили десятки голосов. – Вор!

Лежа на спине, Нико видел над собой только край крыши. Лена, судя по всему, успела ретироваться, и теперь солнце смотрело на него сверху – без жалости и сочувствия.

В какой-то момент, еще не придя толком в себя, Нико ухватился за мысль, что все происходящее есть не более чем сон, жуткий кошмар, который вот-вот рассеется. Но рассеялся не кошмар, а надежда – две пары грубых рук бесцеремонно поставили его на ноги, встряхнули и вернули в жестокую действительность.

«О, Эрес... мне это не снится... это происходит наяву... со мной...»

И, осознав это, Нико провалился в темноту.

Глава 3. Посещения

Первая ночь в тюрьме, которую он раньше даже не видел.

Внутри ограниченного высокими стенами пространства заключенные пользовались относительной свободой. Здесь даже была таверна – для тех, у кого имелись деньги. В столовой продавали кое-что получше жидкой овсянки, которую раздавали во дворе. Охранники, в большинстве своем из заключенных, держались незаметно, предоставляя товарищей по несчастью самим себе.

Нико устроился в углу камеры, одной из многих, составлявших подземный лабиринт под тюремным двором. Камеру освещала висевшая над входом масляная лампа, постелью служил заплесневелый, кишасший вшами тюфяк. Матрас пропитался стойким запахом мочи, в соломе шуршали шустрые тараканы.

Среди его сокамерников были и воры, и должники самого разного возраста, в том числе и ровесники Нико. На новичка внимания не обратили, приняли безразлично. В камере заключенные предпочитали не задерживаться, большинство приходило ненадолго и скоро уходило. Нико такая ситуация вполне устраивала. Он сидел в углу, прислушиваясь к жалобным стонам, а в голове, словно посланные мучить и терзать его черные птицы, кружили мрачные мысли. И как ни старался Нико, они все чаще обращались к дому и матери.

Что будет с ней, когда она узнает, кем стал ее единственный сын? А стал он заурядным вором, пойманным с поличным на месте преступления.

Конечно, она разозлится.

С другой стороны, мать ведь и сама не без греха. И путь к этой камере, если проследить его в прошлое, начался еще год назад. Так что виновата в случившемся, по сути, именно она. Это ей понадобилось заполнить свою пустую, бессмысленную жизнь чередой ни на что не годных любовников. Это она предпочла не замечать вражды между Лосом и собственным сыном, которому и пришлось в конце концов уйти из дому.

В веренице совершенных ею ошибок Лос был всего лишь еще одним звеном. В первый же вечер, когда мать привела его из придорожной таверны – в приличной, но явно с чужого плеча и, скорее всего, краденой одежде, – он прошел по дому, присматриваясь ко всему с видом оценщика, прикидывающего, что можно выручить за его содержимое, включая и хозяйку. Закрепиться на новом месте гость постарался в ту же ночь; пара так расшумелась в спальне, что Нико в конце концов не выдержал и, забрав постель, отправился в конюшню, где и проспал до утра в одном стойле с их старой лошадежкой по кличке Счастливица.

Вот за это – неодолимую слабость к мужчинам – Нико и злился на мать. Он знал – у нее есть на то свои причины. Знал, что не может винить только ее за все то, что случилось с ними обоими. Знал... и все равно злился и винил.

Этот день стал, без сомнения, худшим в жизни, и остаток его Нико провел в жутком оцепенении, потеряв счет времени и не замечая ничего вокруг. В тюрьме переход к ночи знаменуют не сумерки; здесь ночь наступает, когда гасят лампы и запирают тяжелые двери, когда вонь становится невыносимой и пространство заполняют густые миазмы, несущие с собой запахи человеческих существ, слишком долго живущих взаперти, в грязи, мерзости, убожестве. В какой-то момент Нико не выдержал и повязал нос и рот платком. Полегчало, хотя платок то и дело приходилось приподнимать, чтобы сплюнуть слюну, пропитанную оседавшим на языке тошнотворным привкусом.

Срок перемирия, негласно поддерживаемого заключенными на протяжении дня, заканчивался с наступлением долгих часов темноты. В соседней камере вспыхнула драка, потом крики и визг сменились стонами и всхлипами и, наконец, относительной тишиной. Некоторое время из другого конца лабиринта доносился глухой ритмичный стук, словно кто-то бился

головой о стену, выкрикивая после каждого удара короткую фразу: «Выпустите меня... выпустите меня...»

Уснуть в таком месте было абсолютно невозможно. Уставший, измотанный перипетиями минувшего дня и тревожными мыслями о будущем, Нико лежал с открытыми глазами, слушая храп сокамерников и шорох тараканов в соломе и кляня себя за глупость, за то, что пришел в город и притащил с собой Буна, за то, что спутался с Леной и поддался ее уговорам.

А ведь знал же, что ей доверять нельзя, видел ее бесцеремонность, расчетливость. Интересно, что она сейчас делает? Думает ли о том, что из-за нее его схватили и бросили в тюрьму, что его ждет наказание? Вряд ли.

Глядя в темноту, Нико старался не думать о том, как поступают в городе с преступниками. На прошлогоднем Празднике Урожая он видел, как пойманного вора сначала высекли публично, а потом заклеямили. А ведь мальчишке было не больше, чем ему самому сейчас.

Выдержит ли он такое наказание?

Позже, где-то в глубине ночи, Нико вынырнул из забытья от прикосновения к ноге чьей-то руки и пахнувшего в лицо жаркого, неприятного дыхания. Он резко выпрямился, оттолкнул невидимого чужака и прокричал что-то нечленораздельное, испуганное. Из мрака донеслось проклятие и шарканье удаляющихся шагов.

Он потер глаза, похлопал себя по лицу, отгоняя сон, и снова приткнулся к стене.

Отсюда надо выбираться. Дышать неподвижной, застывшей вонью становилось невмоготу. Сгустившаяся темнота давила, как тяжелое бархатное одеяло. Он чувствовал себя попавшим в западню зверьком, зная, что до утра не может даже просто подняться и выйти во двор, не может увидеть небо и звезды, вдохнуть свежий воздух. Из памяти всплыло далекое детское воспоминание: гуляя как-то в лесу, он наткнулся на силок, крепкую проволочную петлю с нижней частью лапы дикой собаки, которая, попав в западню, сама перегрызла себе конечность.

И снова шорох шагов. Кто-то приближался из темноты. Нико подобрался, готовясь ударить невидимого врага.

«Не уйдешь, не оставишь меня в покое, – буду рвать зубами», – подумал он, настраиваясь на решительный отпор.

– Успокойся, – произнес голос. – Я – друг.

Незнакомец опустил рядом и, похоже, сунул руку под одежду.

Вспыхнувший вдруг огонек ослепил Нико, и он даже зажмурился. Потом, заслонившись козырьком ладони, осторожно открыл глаза. Язычок пламени зашипел и свернулся, а на его месте вспыхнуло красноватое мерцание сигариллы. Незнакомец подул на спичку, и их обоих снова накрыла непроглядная тьма.

– Знаешь, полночи не мог заснуть, все вспоминал, откуда мне знакомо твое лицо. – Он затаился. Табак чуть слышно затрещал, а огонек осветил очертания нижней части лица, одновременно углубив тени на его впадинах. – А потом вспомнил. Я знал когда-то твоего отца.

Нико моргнул, глаза никак не могли привыкнуть к огоньку.

– Ну конечно, – насмешливо протянул он. – Знал... как же...

– Не называй меня лжецом, парень. – Незнакомец выдохнул. – Ты – вылитый он. Твой отец был женат на рыжей бабенке по имени Риз. Красивая женщина, насколько я помню.

Нико опустил руку.

– Да, мою мать зовут Риз. Так вы и вправду его знали?

– Как и других. Мы два года дрались под стенами.

– Вы были Спецом?

– Точно. Порой кажется, что это было лет сто назад. Теперь-то я на жизнь зарабатываю другим. Играю в раш. Когда не могу оплатить долги, провожу какое-то время здесь. – Незнакомец потер ладонью колючую щеку. – А ты? Как дошел до такого состояния?

Излагать невеселую историю своих приключений желания не было.

– Мой целитель сказал, что здесь полезная для моих легких атмосфера, вот и прихожу время от времени.

– Твой отец тоже любил пошутить, – без малейшего намека на юмор заметил анонимный сосед. – Именно это мне в нем и нравилось.

Уловив резкую нотку, Нико ждал продолжения. У лица повис табачный дымок, приятный аромат в этой вонючей дыре. Еще совсем недавно они с Леной в компании других парней и девушек просиживали вот так ночи у костра в каком-нибудь парке или пустом здании. Пили, передавая по кругу бутылку, дешевое вино, потягивали набитые «травкой» самокрутки. Нико развлекал приятелей шуточками, все смеялись, и теплый круг смеха как будто задерживал неминуемый приход нового трудного дня.

– Виделись мы не часто, – неторопливо продолжил незнакомец. – Однажды твой отец обвинил меня в мошенничестве. Сказал, что просто так это не оставит. Что поймает и выставит на позор перед всей командой. Должен признаться, обошелся мне в кругленькую сумму. Хотя потом я с ним поквитался.

Незнакомец то ли закашлялся, то ли невесело рассмеялся.

– Не могу сказать, что удивился, когда он взял да и сбежал от нас. Я как увидел его испуганные глаза, так сразу и понял, что у него на уме.

Нико скрипнул зубами и сжал кулаки, но заставил себя перевести дыхание и произнести почти спокойно:

– Мой отец трусом не был.

И снова то ли кашель, то ли смех.

– Я же без всякого намека. И папашу твоего не осуждаю. Когда доходит до рукопашной, трусом становится каждый, кроме разве что совсем уж сумасшедших. Я только хочу сказать, что одни боятся больше, а другие меньше, вот и все.

Сдерживаться становилось все труднее, и громкое дыхание Нико уже перекрывало сонное посапывание соседей.

– Расслабься, парень, мы же просто разговариваем, а слова ничего не значат. На-ка, затянись.

Нико отвел глаза от тлеющего кончика сигариллы и постарался вспомнить отца. Высокий, подтянутый, с длинными волосами и добрыми глазами, тихий. И совершенно другой, когда выпивал. Шумный, грубоватый, с кувшином эля в одной руке, он мог запросто, обхватив за талию, вытащить в танцевальный круг жену или сыграть нескладную, но задорную песенку собственного сочинения, перебирая струны на стареньком житаре. Вдвоем они нередко отправлялись в долгие прогулки по окрестным холмам, а на День Глупца ходили на берег моря, где отец просто сидел, вглядываясь в далекую туманную дымку, а Нико играл неподалеку.

Ему исполнилось семь, когда отец записался в Спецы, объяснив такое решение тем, что враг усиливает давление. Каждый день либо защитники города обнаруживали новый подкоп маннианцев, либо сами маннианцы врывались в подземный туннель хосов. Спецы несли тяжелые потери и нуждались в подкреплении.

Отец уходил на несколько недель, иногда даже на месяц, и каждый раз возвращался домой немного другим человеком. Более тихим, молчаливым, менее приятным внешне.

Однажды он пришел без одного уха, так что слева у него остался только слуховой проход. Тем не менее Риз обняла мужа и долго шептала нежные слова. В другой раз отец вернулся с повязкой на голове. Когда он снял бинты через несколько дней, оставшееся ухо выглядело так, словно его жевал пес. Со временем у него исчезли брови. От длинных волос осталась короткая щетина. Лоб, лицо и губы покрывали шрамы. Он постоянно сутулился, втягивал голову в плечи, словно замерзал.

Видя все эти страшные перемены в любимом мужчине, мать старалась скрывать ужас, но постоянно контролировать себя не могла, и нередко ее выдавало неосторожное слово или гримаса.

Когда отцу дали наконец первый длительный отпуск, Нико едва узнавал его в человеке, смотревшем на сына словно на чужака, сидевшем в одиночку под дождем, никогда не улыбавшемся, редко заговаривавшем и много пившем. И атмосфера в доме уже не была прежней. Любая мелочь могла вывести отца из себя, и тогда он срывался и начинал кричать. Нико жил в постоянном напряжении, всегда ожидая неприятностей.

Он все больше времени проводил на улице, с Буном, и они гуляли по лесу. В плохую погоду Нико оставался в своей комнате, за закрытой дверью, мысленно пересказывая заученные наизусть истории или проигрывая «Повести Рыбы», пьесу, постановку которой видел несколько раз, когда приезжал в город, заполняя время пустыми фантазиями.

Однажды вечером отец напился так, что принялся избивать мать и таскать ее за волосы по комнате. Потом вдруг остановился, посмотрел на сына, взиравшего на него со смешанным выражением изумления и ужаса, и выбежал из дому.

Вернувшись под утро, когда жена и сын еще спали вдвоем на узкой кровати Нико, он собрал вещи и, не прощаясь, ушел. Нико чувствовал себя так, словно земля ушла вдруг из-под ног. Мать долго и безутешно плакала.

Сжав в темноте кулаки, Нико негромко вздохнул.

– Он не просто так ушел, у него были на то свои причины.

Незнакомец попытался сигариллой, но она уже потухла.

– Да. Струсил или нет – в любом случае тебе знать лучше.

– Что вы имеете в виду?

– Только то, что кровь отца почти наверняка бежит и в жилах сына. Что относится к нему, то, скорее всего, относится и к тебе.

Нико почувствовал, как вспыхнули щеки, и отвернулся – слушать незнакомца больше не хотелось.

Коридор заполнился эхом воплей; какой-то сумасшедший, глотая слова, предупреждал о надвигающейся беде: маннианцы придут из-за моря и всех сожгут заживо.

Последние искорки сигариллы погасли, когда незнакомец затушил ее о ладонь. Поднимаясь, он хмыкнул и пробормотал что-то неразборчивое себе под нос. Потом повернулся к Нико и, протянув руку, похлопал по плечу:

– Все в порядке, сынок. Теперь можешь поспать.

Он ушел, оставив после себя стойкий аромат дыма.

После него Нико уже никто не досаждал.

Мать пришла утром – во всем черном, словно прибыла на похороны. Глаза припухли от слез, а стянутые назад и туго схваченные на затылке волосы придавали ее чертам выражение страдальческое и решительное. Нико увидел ее впервые за год с лишним.

Компанию ей составлял Лос, вырядившийся словно на праздник и неуверительно изображавший праведное недоумение и осуждение. Именно Лос и заговорил первым, когда Нико подошел к решетке, отделявшей заключенного от посетителей в сумрачном прохладном склепе, предназначенном именно для таких целей.

– Плохо выглядишь.

Нико не сразу нашелся что сказать. Менее всего он ожидал увидеть здесь эту парочку, Лоса и мать.

– Как ты узнала? – стараясь не закричать, обратился он к матери.

Она подалась вперед, как будто хотела дотронуться до него, но наткнулась на решетки, и ее глаза полыхнули вдруг злостью.

– Старуха Джаймина видела, как стражники волокли тебя по улице, и любезно поставила меня в известность, – холодно ответила она.

– А...

– А?... И это все, что ты можешь сказать в свое оправдание?

Ее злость, словно дуновение ветерка, распалила угольки его собственной, тлевшие с того самого дня, когда он ушел из дому.

– Я тебя сюда не звал. И его тоже.

От удивления у нее округлились глаза, и Лос, все это время не сводивший с Нико сурового взгляда, тут же поспешил на помощь.

Нико с вызовом посмотрел на него, твердо решив, что не уступит первым.

Мать начала что-то говорить, но голос у нее сорвался, плечи поникли, а броня строгости вдруг разом треснула и раскололась. Проскользнувшая через решетку рука коснулась щеки и скользнула вниз, к шее. В следующий момент мать привлекла его к себе, насколько это позволял разделявший их холодный металл.

– Сынок, – прошептала она ему в ухо. – Что ты наделал? Никогда не думала, что ты станешь вором.

Удивительно, но в глазах зашипало.

– Прости. Я просто голодал, вот и отчаялся.

Мать погладила его по лицу.

– Я так беспокоилась. Каждый раз, когда мы приезжали в город, высматривала тебя, но видела только всех этих несчастных, голодных людей и постоянно спрашивала себя, как ты, выжил ли.

Он судорожно вздохнул:

– Бун... Бун умер...

Она вздрогнула и расплакалась, и Нико плакал вместе с ней. Вся его сдержанность и отчужденность испарилась, как только они разделили общую боль.

Дверь в комнату для посетителей открылась. Нико поднял голову, вытер ладонью глаза и... замер с открытым ртом.

Фарландер. На пороге появился тот самый старик чужестранец, чернокожий слепец, у которого он украл накануне деньги.

Фарландер остановился, слегка, словно прислушиваясь, наклонив голову и держа в одной руке чашку с горячим, дымящимся чи. Невысокого роста, с бритой головой, в черном платье, он имел наружность монаха, но монаха довольно необычного, поскольку в другой руке у него был меч в ножнах. Мать Нико оглянулась.

Фарландеру понадобилось несколько шагов, чтобы пересечь комнату. Движения его отличались плавностью, и чи в чашке лишь слегка колыхнулся в такт шагам.

Приблизившись, он остановился перед ними и поднял глаза цвета холодного пепла, но поразительно глубокие и пронизательные. Нико едва не отшатнулся. Ничто в нем не напоминало вчерашнего старичка, растерянного и подслеповатого.

– Это и есть вор? – обратился Фарландер к матери Нико.

Она вытерла глаза. Выпрямилась. Гордо подняла голову:

– Это мой сын. И он не столько вор, сколько глупец.

Несколько секунд чернокожий старик оценивающе, словно предложенного на продажу пса, рассматривал Нико, потом кивнул.

– Тогда я поговорю с вами. – Он опустился на один из стоявших посередине комнаты табуретов – спина прямая, меч на коленях – и поставил чашку на пол. – Меня зовут Эш. И кем бы ни был ваш сын, вором или глупцом, он украл у меня деньги.

Почувствовав, что проблема может разрешиться какой-то сделкой, мать Нико моментально успокоилась и села напротив.

– Риз Кальвоне, – представилась она.

Лос, подойдя сзади, с видимой опаской протянул руку, но она нетерпеливо дернула плечом, и он отступил к дальней стене, расположившись как можно ближе к выходу, откуда и наблюдал молча за дальнейшим ходом разговора.

– Вашего сына подвергнут наказанию, – продолжал старик. – Его высекут плетью и заклеят в полном соответствии с местными обычаями. Пятьдесят ударов – такая здесь норма за обычную кражу среди бела дня.

Риз кивнула, словно он ответил на вопрос, адресованный ей.

– Да, это нелегкое испытание. – Она бросила быстрый взгляд на сына и тут же снова повернулась к чернокожему незнакомцу.

– Вы хорошо держитесь, – заметил он.

– Вы пожаловали сюда позлорадствовать над чужим горем?

– В общем-то нет. Чтобы узнать сына, нужно прежде узнать мать. И может быть, помочь вашему мальчику.

Риз опустила глаза, и Нико проследил за ее взглядом. Она смотрела на свои сложенные на коленях руки. Рабочие руки. Покрытые царапинами, ссадинами и ожогами, они старили ее куда больше, чем лицо, которое даже теперь, после всех забот и слез, оставалось привлекательным и милостивым.

– Он – мой сын, и я знаю его сердце, – вздохнула Риз. – Я знаю, что он выдержит.

Нико перевел взгляд с матери на старика, сухощавое, с резкими чертами лицо которого не выражало ровным счетом ничего.

– А если есть другой путь?

Риз удивленно моргнула:

– Что вы имеете в виду?

– Что, если я предложу вариант, при котором ему не придется подставлять спину под плетель и руку под клеймо?

Мать снова метнула взгляд в сына, но Нико все еще присматривался к необычному старику. Что в нем было... что-то вызывавшее доверие. Может быть, непринужденная властность? Не та, что сопутствует неким дарованным полномочиям и приходит с практикой, но та, что свойственна естественной природе человека и является результатом искренности, прямооты и духа.

– То, что я скажу вам, должно остаться в стенах этой комнаты. Пусть ваш... человек выйдет, и я объясню.

Лос фыркнул, демонстрируя отсутствие какого-либо желания куда-то выходить.

Риз повернулась к нему:

– Пожалуйста...

Он попытался принять вид оскорбленной гордости.

– Иди же.

Лос все еще колебался. Взгляд его перескочил с Риз на старика, затем на Нико и вернулся к Риз.

– Подожду снаружи, – во всеуслышание объявил он.

– Да.

Прежде чем захлопнуть за собой дверь, Лос многозначительно посмотрел на старика.

Не успело запрыгавшее между тесными стенами эхо затихнуть, как Фарландер продолжил:

– Госпожа Кальвоне, время моего пребывания здесь ограничено, а потому я вынужден перейти к делу. – Тут он, однако, остановился и провел большим пальцем по кожаной перемычке ножен. – Я старею, как вы, без сомнения, уже заметили. – В глазах его мелькнула тень улыбки. – В прежние времена мальчишка, вроде вашего сына, ни за что бы не залез в мое окно,

не разбудив при этом меня. Я бы отрубил ему руку еще до того, как он успел бы дотянуться до моего кошелька. Но теперь, изнуренный летним зноем, я все проспал, как и подобает старику, коим я стал. – Он потупился. – Мое здоровье не то, что было когда-то. Не знаю, долго ли еще я смогу удержаться на своей работе. Короче говоря, в силу обстоятельств и в соответствии с традициями нашего ордена мне пора подготовить ученика.

– Больше похоже на то, – бросила мать Нико, – что вам одиноко, вот и захотелось симпатичного парнишку.

Он лишь покачал отрицательно головой.

– А чем же это вы занимаетесь? Что у вас за работа такая? По платью, если судить, вроде как монах, однако ж в руке меч.

– Госпожа Кальвоне. – Он широко развел руки, словно демонстрируя нечто понятное и очевидное. – Я – рошун.

Неожиданно даже для самого себя Нико рассмеялся. Прозвучало немного истерично, и он, едва услышав эхо, отскочившее от сводчатой крыши склепа, сразу же замолчал.

Старик и мать одновременно повернулись к нему.

– Хотите сделать из меня рошуна? – пробормотал Нико. – Да вы, видать, рехнулись.

– Послушай меня. – Теперь чужестранец обращался напрямую к юноше. – Если согласишься, я уже сегодня поговорю с судьей. Попрошу снять обвинение и даже оплачу судебные издержки и твое пребывание здесь. Ты избежишь наказания.

– Но ведь то, о чем вы просите... – запротестовала было мать. – Это означает, что я, может статься, уже никогда его не увижу. Такая работа связана с большим риском.

– Мы находимся сейчас в Бар-Хосе. Если ваш сын останется здесь, то рано или поздно ему придется идти на стену и защищать город, рискуя при этом жизнью. Да, моя работа опасна, но я хорошо подготовлю его к ней, и, когда возьму с собой на задание, он будет выступать лишь в роли наблюдателя. После окончания срока ученичества у него будет выбор: либо посвятить себя профессии, либо заняться чем-то другим по собственному желанию. К тому времени у него будут деньги и немало полезных навыков. Он даже сможет при желании возвратиться в Бар-Хос, если город еще будет держаться.

Выдержав паузу, чтобы она обдумала предложение, старик продолжил:

– Прямо сейчас в городском воздухопорте меня ожидает корабль. Через несколько дней, когда его отремонтируют и приведут в порядок, мы отправимся на родину моего ордена. Там он получит соответствующие наставления и пройдет должное обучение. Уверяю вас, госпожа Кальвоне, что в любой ситуации буду ставить жизнь вашего сына выше своей. Это моя торжественная клятва.

– Но почему? Почему вы выбрали именно моего сына?

Вопрос как будто застал Фарландера врасплох. Он провел ладонью по короткой щетине, произведя при этом звук схожий с тем, что возникает при трении камня о мельчайшую наждачную бумагу.

– Он продемонстрировал определенное умение и некоторую смелость. Именно эти качества мне и нужны.

– Но это же не все объяснение?

Какое-то время – Нико оно показалось вечностью – старик смотрел на Риз молча, словно обдумывая ответ, потом неохотно кивнул.

– Не все, – согласился он и снова устремил взгляд в каменный пол. – В последние дни мне снятся сны, которые ничего вам не скажут, но имеют значение для меня. В некотором смысле они ведут меня, и, как мне представляется, ведут в правильном направлении.

Такое объяснение, похоже, не рассеяло сомнений Риз, и она недоверчиво уставилась на чужестранца.

– Я согласен, – объявил вдруг Нико, а когда обе головы повернулись к нему, улыбнулся, чувствуя себя немножко глупо.

Мать нахмурилась.

– Я согласен, – повторил он, на сей раз серьезнее и тверже.

– Ты никуда с ним не пойдешь, – возразила мать.

Нико грустно кивнул. Разумеется, он знал, кто такие рошуны. Это знали все. Они убивали людей, убивали во сне, и получали деньги за то, что осуществляли вендетту. Нет, Нико, разумеется, не видел себя рошуном и не стремился им стать, но ведь по окончании срока ученичества у него будет право самостоятельно выбирать дальнейший путь с учетом уже полученных знаний и умений. Возможно, судьба предоставляет ему шанс сделать из себя что-то. Может быть, Большой Глупец был прав, и в худшем спрятаны семена лучшего.

С другой стороны, избегая одного наказания, он, возможно, принимает другое, которое не менее страшно и тяжело.

Кто знает, что лучше? Вот и он не узнает, если не попробует.

– Я пойду с ним, мама, – сказал он негромко, но ясно давая понять, что это его последнее слово. – Я согласен.

Глава 4. Флаги Завоевания

– Есть хочу, – пожаловался юный священник Киркус.

Женщина, возлежавшая на диване напротив, улыбнулась, отчего ее иссохшее лицо едва не раскололось надвое, обнажив в трещине чудесный комплект зубов, выросших явно не в этом рту.

– Хорошо, – промурлыкала она, проводя покрашенным ноготком по сверкающему животу со следами складок и заканчивая его путь на золотом кольце, украшающем пупок. – Плоть сильна. Но по-настоящему божественной она становится лишь тогда, когда действует в согласии с волей. Отвергни голод. Когда будешь есть в следующий раз, делай это потому, что так решила воля, а не только желудок. Таким образом мы максимизируем наши аппетиты, дабы они требовали власти. Только так мы достигаем Манна.

– Ты начинаешь утомлять меня, – недовольно проворчал Киркус. – Тебе нечего предложить, кроме наставлений, которые я слышал тысячи раз.

Она усмехнулась, и звук напомнил ему сухой шелест смятой под ногой бумаги. Раздражение только усилилось. Не переставая усмехаться, старуха перетащила на диван и повернулась, подставив солнцу голую, сморщенную спину. Звук ее смеха пролился за борт императорской баржи и упал в бурю воду Тойна, ровно в промежутке между плесками медленно поднимающихся и опускающихся весел, а упав, ушел к дальнему глинистому берегу, где, уловив его, зашевелился, мелькнул под солнцем и погрузился в неспешный поток неловкий крокодил.

Старуха вдруг щелкнула зубами.

– Но по-моему, ты забываешься, юноша, мм? Не став мужчиной, уже мнишь себя следующим Святейшим Патриархом. Очень хорошо, но пока что этого не случилось, и мне поручено наставлять тебя до тех пор, пока ты не докажешь, что достоин веры. Ты должен не просто знать вещи, о которых я только что говорила. Ты должен чувствовать их... чувствовать нутром.

– Вот я и чувствую нутром, – огрызнулся Киркус. – В том-то и проблема, старая ты карга.

Она взглянула на него с умеренным одобрением. Киркус знал, что является ее любимчиком, ее лучшим учеником, и иногда, ловя на себе вот такой пристальный взгляд, представлял старуху неким полубезумным скульптором, заточившим себя на годы в мастерской, чтобы довести до совершенства некое свое творение. Оторвавшись от этих жадных глаз с не вполне приятным чувством, Киркус воззрелся на стоящую за диваном рабыню с опухшими из страусовых перьев. Девушка, по рождению наталийка, отличалась худобой, ее рыжие волосы свисали до маленьких, но твердых грудей, невидящие глаза прятались за повязкой из нежного шелка, а на руках были белые перчатки – на тот случай, если она вдруг случайно дотронется до божественной кожи Манна. Аппетиты, лениво размышлял Киркус, любясь ее гладкой кожей. Он даже позволил себе представить, каково бы было взять ее здесь, на палубе, эту слепую и глухую девчонку, способную воспринимать мир только через осязание – ощущение, приносящее либо удовольствие, либо боль, – единственное доступное ей теперь. Мысль об этом отозвалась вдруг заметной физической реакцией.

– Терпение, – не скрывая радости, ответила жрица, все внимание которой сосредоточилось на зримом доказательстве его проснувшегося энтузиазма. – В полдень у нас остановка в следующем городе. Полагаю, ты слышал о нем. Скара-Брей.

Киркус кивнул. Прочитав о городе в недавно опубликованном труде Валореса «Обзор Империи», он вовсе не горел желанием выслушивать еще одну нудную лекцию.

– Думаю, мы найдем кой-какие игрушки для твоей инициации. Потом нанесем визит местному верховному жрецу, поедим и выпьем.

– Если бы только пищи я желал, – мрачно пробормотал он, бросая на рабыню еще один тяжелый взгляд.

– Бедный, несчастный ребенок. Не расстраивайся, в конце концов ты все свое получишь. Главное – верь старухе, которая желает тебе только добра.

Взгляд ее скользнул по речной глади, и черты ненадолго смягчились – наверное, вспомнилось что-то, может быть собственное посвящение в жрицы. На какое-то мгновение лицо ее стерло патину прожитых лет и предстало во всей красоте юности.

– Клянусь ночью Кулла, дав волю желаниям, ты поймешь наконец, что такое быть избранным. Это, мой мальчик, я тебе гарантирую.

Еще одна служба, вздохнул про себя Киркус, но, проглотив раздражение и досаду, согласно хмыкнул – только бы отстала. Пусть себе утешается собственной показной мудростью, ей ведь ничего другого не осталось: красота ушла, как и реальная власть при дворе его матери.

Киркус постарался направить мысли на что-то другое. Прошелся взглядом по воде, до самого дальнего берега, ища что-нибудь интересное, занятное. Но попадались лишь птицы и жучки-паучки да кое-где склонившийся к воде полосатый черно-белый зель. Все это изрядно надоело. Шел двенадцатый день путешествия – до того он десять месяцев разъезжал по Империи, знакомясь с ее достопримечательностями, – но река не менялась, оставаясь однообразно вонючей, унылой, неторопливой, и за все время ему ни разу не позволили действовать самостоятельно, в соответствии с *его* желаниями и потребностями.

И ничего не поделаешь. Как ни крути, старая карга – его бабуля.

* * *

Тойн был одной из величайших рек Мидереса. Начиная свой путь от могучих гор Арадерес, где десятки речушек и ручейков, соединившись, впадали в Птичье озеро, он разливался по равнине широким потоком, достигая в некоторых местах более лака в поперечине. Река служила торговой артерией Наталья, и именно на ней стояли все крупнейшие города страны.

Народ гордый и свободолюбивый, натальицы не покорились ни одному из своих соседей – ни Серату на западе, ни Тилану и Патии на востоке. Тысячу лет их культура развивалась и процветала в самых благоприятных условиях, не зная ограничений, не встречая помех, достигая высот и в философии, и в науке, и в искусстве. Приняли натальицы и пришедшее издалека учение Дао, приняли так же, как принимали все новые идеи и учения, добавив новое к старому, к тому, что издревле практиковалось и возвращалось на их собственных землях.

Теперь, однако, от былой гордости осталось немного. Полтора десятка лет назад столь дорогая сердцу натальицев независимость пала под тяжелыми сапогами выступившей в поход Священной империи Манна. Какое-то время натальицы вели против оккупантов партизанскую войну, но разрозненные очаги сопротивления были наконец подавлены, а жестокое воздаяние за мятежность, предание мучительной смерти населения нескольких городов заставило склонить голову и подчиниться силе даже самых гордых. Теперь Наталь представлял собой всего лишь еще одну провинцию Священной империи и управлялся, как и прочие завоеванные территории, жрецами Манна, составлявшими административную иерархию. Традиционные верования были запрещены, все учения и концепции, не совпадающие и не признающие приоритета божественной плоти, строго цензурировались и уничтожались.

К тому моменту как имперская баржа причалила к пристани Скара-Брей, набережная города уже приняла должный вид, став похожей на прочие населенные пункты Империи. С фронтонов старых и новых зданий свисали огромные щиты, предлагающие товары и услуги всем неспособным читать на торге, а у складов собрались толпы безработных, рассчитывающих найти занятие хотя бы на ближайшие дни. Разжиревшие патриции и их телохранители надзирали за погрузкой и разгрузкой драгоценных грузов. В тенистых аллеях и подворотнях томи-

лись в ожидании проститутки и нищие, многие из которых мучились, пропустив регулярную дозу. Тут и там взгляд натывался на вспомогательные отряды, обеспечивающие поддержание порядка и спокойствия. Комплектовались эти отряды большей частью из местного населения, и члены их отличались не только белыми кожаными доспехами, но и суровым, настороженным выражением лица, свойственным всем тем, кого презирает собственный народ.

Как бы громко, однако, ни требовали независимости гордые наталийцы, оккупация Империей пошла им на пользу по меньшей мере в одном отношении. Пятнадцать лет назад набережная выглядела совсем по-другому, поскольку товарообмен на ней протекал с той же неторопливостью, что и река, от которой зависела вся местная торговля. Теперь же деловая активность возросла стократ.

Баржа остановилась, и набережная притихла. Шестидесят весел замерли, роняя капли, над водой. Первым сошло на берег подразделение служек-алтарников, вооруженных копьями, мечами, а кое-кто и ружьем. Тяжелые кольчуги свисали до колен. Носить их в жару было пыткой, хотя воины-жрецы – как мужчины, так и женщины – не выдавали ни малейших признаков дискомфорта. Лица их скрывали маски, белые, невыразительные, лишенные каких-либо индивидуальных черт, если не считать таковыми смотровые и дыхательные отверстия. Поверх кольчуг алтарники носили белые форменные рясы из тонкого материала с закрывавшими голову капюшонами и вышитыми белой шелковой нитью узорами, которые отражали солнечный свет. Один из них, нарочный, тут же побежал в город – с известием для верховного жреца и губернатора.

В обязанности последнего входила организация приема и присутствие на обеде в честь высоких гостей.

Врубившись в толпу с уверенностью фанатиков, рожденных и выросших для одной-единственной цели, алтарники раздвинули местных, образовав большой свободный круг. Далее всех оказавшихся вблизи круга заставили опуститься на колени. Примеру алтарников последовали местные помощники, одинаково грубо толкавшие на землю как детей, так и богатых торговцев. Закончилось тем, что на ногах остались только сами служители.

Следующими с баржи сошли двенадцать рабов, скованных золочеными цепями. Рабы несли тяжелый паланкин, на котором возлежали два священника. Алтарники тут же взяли их в тесное кольцо. Между тем собравшиеся, несколько сотен человек, покорно склонив голову, смотрели в землю или пытались хоть краешком глаза увидеть тех, кто причислял себя к существам божественного порядка. Но даже счастливики узрели немного: две фигуры с золотыми масками на лицах, выбритые до блеска головы... вот и все.

Прозвучала команда. Процессия тронулась с места, нарушив покой городских улиц стуком сапог по мостовой да короткими, отрывистыми приказами, которые подавал время от времени капитан стражи. Шедший во главе колонны молодой человек нес в вытянутой руке имперский стяг с изображением красной руки Манна. Маршировавшие по обе стороны от паланкина алтарники занимались главным образом тем, что без всяких церемоний швыряли на землю оказавшихся поблизости зевак.

– Оставьте их, капитан, – понизив голос, обратилась к командиру стражников Кира. – Если все будут лежать, мы не сможем посмотреть на них.

Капитан кивнул и передал соответствующее распоряжение.

Возлежавшие в паланкине священники – на обоих были те же, что и на стражниках, белые одежды – чувствовали себя вполне комфортно и время от времени отправляли в рот кусочки засушенных фруктов, просовывая их в узкую прорезь маски. Большого Киркусу сейчас и не позволялось. Прошло два дня с тех пор, как они посетили предыдущий наталийский город, и теперь оба с нетерпением ожидали новых развлечений.

Первым нечто забавное обнаружил Киркус. Его внимание привлекла босая девушка с корзиной, продававшая палочки киша. Старая жрица заметила, как блеснули у внука глаза, и, наблюдая за ним, ждала, пока он не прокашлялся.

– Вон та. – Киркус указал на девушку пальцем.

Капитан махнул рукой, и отделившаяся от авангарда группа быстро окружила ее. Корзина полетела на землю, сопротивляющуюся девушку схватили и отнесли в арьергард процессии. Те из горожан, что еще оставались на ногах и стали свидетелями случившегося, подняли шум. Некоторые даже попытались помочь несчастной, хотя другие и тянули смельчаков подальше от места событий ради их же собственного – и общего – блага.

В результате и одни и другие смогли только смотреть, как пленницу заковывают в цепи. Бедняжка плакала и оглядывалась по сторонам в надежде на поддержку и спасение. Хотя большинство уличного люда и смолчало, в глазах горожан читалась откровенная неприязнь и даже вызов, единственный доступный им протест. Но и это продолжалось недолго.

Теперь очередь была за Кирой. Щелкнув пальцами, она направила алтарников на враждебно настроенных подданных. Не прошло и минуты, как люди уже разбежались во все стороны, унося ноги от жестоких и беспощадных стражников, которые уже выхватили из толпы нескольких человек.

– Прекрасно, – усмехнулся Киркус. – Теперь ты всех распугала.

– Город большой, и улиц в нем много.

Она была права. Оставив охваченные тревогой и паникой улицы, процессия вступила в другие, спокойные кварталы. Новости, конечно, долетели уже и туда, потому что прохожих встречалось меньше, чем можно было ожидать, но большинство занималось своими привычными делами, сочтя, вероятно, угрозу преувеличенной или же просто не желая уступать страху. Никто, правда, уже не бросал в сторону гостей никаких взглядов, ни угрюмых, ни неприязненных.

– Ну что, дитя мое? Есть что-нибудь интересное?

Киркус покачал головой, продолжая тем не менее оценивающе оглядывать каждого, кто мог бы пробудить его любопытство.

– Я иногда спрашиваю себя, – задумчиво продолжала Кира, рассматривая захваченную девушку, которая шла теперь в хвосте колонны, – не утратили ли мы что-то, обретя Империю. По крайней мере, иногда мне так кажется. Ведь каждое приобретение есть потеря. И каждая потеря есть приобретение. Когда-то мы получали то, что хотели, иначе, кражей и обманом: похищали пьяных, возвращавшихся домой из пивных, задержавшихся дотемна беспризорников, неосторожных путников. То было давно. И мне почему-то нравилось больше.

Киркус слушал ее невнимательно, вполуха; его напряженный, цепкий взгляд скользил по лицам...

Процессия остановилась наконец посредине шумной рыночной площади. Киркус знал, что это и есть центр города. Где еще можно увидеть высоченную ржавую пику, поднимающуюся прямо из выложенной каменными плитами мостовой?

По-своему истолковав его молчание, старуха кивнула.

– Это придумал Мокаби, – начала она. – После падения города...

– Знаю...

Занятые своими делами, местные, казалось, не обращали на монумент никакого внимания. У основания памятника, там, где, наблюдая за толпой, несли службу караульные, лежали цветочные венки.

Во время Третьего Завоевания Скара-Брей был последним оплотом терпевших поражение наталийцев. Именно сюда после разгрома на поле брани устремилась с остатками войска Хано, юная королева и военный гений Наталя. Командующий Четвертой армией генерал Мокابي последовал за беглянкой, взял город в кольцо осады и потребовал открыть ворота, при-

грозив в противном случае предать всех, жителей и военных, смерти. В ответ на это юная королева заявила подданным, что готова сдаться сама, но солдаты и городское население ее не отпустили. За что в итоге и заплатились жизнью.

Когда Четвертая армия, понеся тяжелые потери, взяла наконец Скара-Брей, генерал Мок-аби устроил праздник в честь победителей, пожертвовавших столь многим в этой трудной кампании. Во-первых, он превратил город в огромный бордель, убивая всех, кому не нашлось в нем соответствующего места. Затем, осененный, несомненно, свыше, он распорядился собрать доспехи павших за время осады солдат, переплавить их и выковать огромную пику. К этой пике – длина ее достигала сотни шагов – прикрепили бетонное основание, после чего положили конструкцию на городской площади для всеобщего обозрения.

На пятую от падения города ночь, когда оргия победителей была еще в самом разгаре, люди генерала насадили на пику одного за другим оставшихся в живых вражеских офицеров и отцов города. Пронзенных острым штырем, но еще живых мужчин и женщин сдвигали к основанию, пока свободного места уже не осталось. На самом острие поместили плененную Хану.

По сигналу генерала и под почетный салют побежденной королеве – так, по крайней мере, описал происходившее историк Валорес – пику подняли в вертикальное положение, для чего пришлось задействовать около трех сотен горожан, и оставили в качестве постоянного памятника завоеванию.

Эпизод этот глубоко взволновал юного Киркуса. Много позже, встретив Мокаби на приеме по случаю празднования дня рождения Святейшего Матриарха, матери самого Киркуса, он не сразу смог ответить на простой, касавшийся его учебы вопрос отставного генерала. Увидев перед собой героя войны, живую легенду, юный наследник лишился дара речи и лишь смотрел на старика в немом восхищении. Было, однако, и кое-что еще, трудноуловимое, но также сковавшее его язык в тот памятный миг, когда он стоял перед генералом, и обеспечившее ему затем несколько бессонных ночей в Храме Шепотов. Это что-то юный Киркус ощутил, взяв руку старика, мясистую и немного потную, в свою. Ее прохладное прикосновение испугало его без какой-либо видимой причины. И не просто испугало, а вселило ужас. Как будто все истории о подвигах Мокаби стали вдруг чем-то большим, чем просто слова на страницах книги. Он с полной ясностью осознал, что этот самый человек, чью руку он держал, чей пульс бился рядом с его пульсом, командовал убийством тысяч людей, не только побежденных солдат, но также женщин и детей, стариков и младенцев. То прикосновение вызвало у Киркуса неприятное, гадливое ощущение, словно само рукопожатие могло заразить его чем-то дрянным, ужасным, мерзким. Позднее ему даже мерещилось, что на руках остался запах крови. И как ни мыл он их, как ни тер, запах все равно ощущался, особенно по ночам, когда он лежал в постели наедине с собственными мыслями.

Легче стало лишь по прошествии четырнадцатого дня рождения, когда ему позволили наконец делить постель с дворцовыми друзьями: иногда с Брайсом и Асамом, а потом и с Ларой. Новые, такие бурные и вполне реальные, впечатления оттеснили прежние, воображаемые страхи, в том числе и выдуманный запах крови на руках. Много времени уходило и на изучение ритуалов Манна. Киркус прошел свое первое очищение. Мать все чаще приглашала его быть свидетелем дворцовых интриг, давала возможность оценить ответственность, связанную с ее положением на троне. Прежняя чувствительность постепенно уходила. Он учился ценить необходимость крайних, безжалостных мер и себялюбие, лежащее в основе сострадания. Когда же, хотя такое случалось редко, им вдруг овладевало прежнее неприятное ощущение – от прикосновения к грязной дверной ручке, взгляда на бокал в руке друга или купания в общем бассейне, – Киркус обязательно удалялся туда, где его никто не видит, и только тогда уступал неодолимому позыву расчесать себя до крови. В конце концов, он был посвященным жрецом Манна и первым по очереди наследником трона. Он не мог позволить себе видимую слабость.

– Ты идешь? – спросила старуха, выходя из паланкина.

Киркус с неохотой оторвал взгляд от громадной спицы с темными пятнами ржавчины и только тогда, с опозданием, понял, о чем его спрашивают.

Он покачал головой, и Кира отправилась на рынок без него, в сопровождении личных рабов. Прогуливаясь между торговыми рядами, она щедро лакобилась сладостями и местными винами. Отказавшись от вооруженного эскорта и рискуя жизнью, жрица делала ставку исключительно на устрашающий эффект своего белого одеяния. И верно, куда бы она ни повернула, люди моментально расступались, давая ей пройти.

Некоторое время Киркус просто сидел, наблюдая за горожанами, предаваясь фантазиям, разыгрывая возможные ситуации. Потом, убедившись, что знает, кто ему нужен, поднялся.

На этот раз он обошелся без демонстративных жестов, указав глазами на тех, кого выбрал: двух милых девочек-сестер с длинными, почти до земли, светлыми волосами; толстяка мясника, орудовавшего секачом с уверенностью ветерана и вполне способного оказать сопротивление; юношу, чем-то похожее на друга его детства, Асама; пожилую торговку рыбой с крепким, все еще гибким и привлекательным телом.

Вторгшись в толпу, алтарники схватили выбранных на месте. Возмущенные крики растаяли в общем гуле, постоянно висящем над рыночной площадью. Киркус с любопытством наблюдал за возникшим волнением, распространявшимся в людском море завихрениями и всплесками. Картина завораживала: обезумевшие от горя друзья и родственники цеплялись за тех, кого уводили, звали на помощь. Каждого приходилось оттаскивать, они вырывались, крики становились все громче и даже перекрывали привычный уличный шум.

Киркус забыл о скуке. Впереди была долгая жизнь, и он знал, что всегда может разнообразить ее такими вот днями.

Вернулась Кира. Один из рабов нес большую корзину, набитую отобранными продуктами. Рыночная площадь, по которой прошла жрица, производила жалкое впечатление: опустошенные прилавки, перевернутые корзины, разбросанные товары, разбегающиеся с криками торговцы... Страх, возмущение, растерянность смешались в нечто почти физически ощутимое, и острее других эту пульсирующую энергию чувствовали новые рабы, которых заковывали в цепи в хвосте процессии.

Через несколько улиц к процессии подъехал человек в потертой кожаной форме курьера. Его полосатый зел заметно нервничал, словно гнетущая атмосфера давила не только на людей, но и на животных. Обменявшись несколькими фразами с капитаном алтарников, всадник вручил ему сложенный листок, после чего развернулся и, прищипив скакуна, умчался прочь.

Пробежав записку глазами, Кира повернулась к внуку:

– Похоже, известие о нашем прибытии вызвало в городе не только страх. Послушай, что здесь говорится: «Этим вечером, при встрече с верховным жрецом Белиасом, присмотритесь к покрою его мантии. Вы обнаружите под ней всего лишь шарлатана».

– Подписано? – без особенного интереса полюбопытствовал Киркус.

– Да. «Верноподданный Манна».

Киркус равнодушно пожал плечами:

– Где бы мы ни появились, везде одно и то же. У верховного жреца, несомненно, есть враги, вот они и пытаются воспользоваться нашим присутствием, дабы оттеснить его от власти.

– Голова у тебя ясная, вот только употребляешь ты ее не всегда с толком. Возможно, дело именно так и обстоит, но все же понаблюдай за этим служителем. Тебе следует учиться отличать истинных верующих от притворщиков и знать, как поступать с обманщиками.

– Что тут знать? От таких нужно избавляться, – отозвался Киркус, вновь обращая внимание на улицу.

– Твой недостаток воображения порой просто поражает, – проворчала старуха за золоченой маской. – Нам нужно поработать над устранением этого пробела. – Она щелкнула паль-

цами, подзывая капитана. – Думаю, мы отправимся сейчас в особняк верховного жреца. Я желаю немного отдохнуть перед обедом с человеком, который управляет этим городом.

– Как пожелаете, – ответил с поклоном капитан.

И процессия продолжила путь.

– Мне скучно, – объявил, не обращаясь ни к кому в отдельности, Киркус.

Будучи формально всего лишь гостем, молодой священник сидел во главе стола, где хлестал крепкое сератианское вино с такой неумеренностью, словно это была обычная вода.

– Не обращайтесь на него внимания, – посоветовала Кира, слегка поворачиваясь к хозяину дома. – Он просто пьян.

Белиас, верховный жрец города и, следовательно, его управитель, сдержанно – и несколько нервно – улыбнулся и в очередной раз промокнул платком взмокнувшую лысину. Этим вечером он определенно чувствовал себя не в своей тарелке, что было довольно странно, поскольку обедали они в банкетном зале его собственного особняка, где ему выпала честь принимать гостей из далекого Коса, столицы Священной империи Манна. Возможно, все дело было в старухе жрице, почти не сводившей с него глаз, в которых пряталось что-то невысказанное.

Поскорее бы закончили, удалились в отведенные им комнаты да и улеглись. Ему еще нужно было поговорить с помощниками, узнать, вняли ли горожане предупреждению о введенном поспешно комендантском часе. Но последние два часа он, словно в западне, просидел за обеденным столом, делая вид, что внимает речам старухи, глядя, как они пожирают его еду и пьют его вино, и пытаясь поторопить их посредством нехитрой молитвы. Должны же они когда-нибудь насытиться?

Рядом с Белиасом молча сидела его пышка жена. В лучших заморских шелках, выставив напоказ драгоценности, которые подошли бы и королеве. По крайней мере, провинциальной королеве. Вот она снова бросила робкий взгляд на симпатичного молодого священника, восседавшего, будто настоящий король, во главе длинного стола, и Киркус снова демонстративно проигнорировал посланный ею сигнал. Белиас тоже сделал вид, что ничего не замечает. Тот факт, что супруга флиртует с гостем, несколько его не удивил. Ее всегда тянуло к тем, кто наделен властью, – собственно, поэтому она и вышла за него.

Белиас взглянул на свою дочь, Рианну, сидевшую напротив. Именно к ней он обычно обращался за поддержкой. Она шептала что-то жениху, бывшему на десять лет старше. Жених, предприниматель из патрициев, уже давно сложил приборы и теперь наблюдал за тремя священниками с плохо скрытым недоверием.

Компания, что и говорить, веселая. Обедали молча, под стук дождя по мозаичным стеклам окон, шум ветра, хруст пережевываемой пищи, постукивание приборов о тарелки да редкие вежливые реплики. Время от времени со двора доносились голоса рабов.

О событиях на улицах Скара-Брей Белиасу еще до обеда доложил канцлер. Отчасти поэтому он так сильно потел и демонстрировал интерес к давно остывшему блюду. Судя по всему, город уже охватили волнения. Люди потребовали возвратить любимых и близких и, не получив ответа, возжаждали крови. Эти внезапные, выказанные публично проявления гнева сильно тревожили губернатора, хорошо понимавшего наталийцев и знавшего, сколь легко подтолкнуть их к открытому восстанию. В конце концов, он и сам был наталийцем.

– Хорошо ли вы себя чувствуете, первосвященник? – участливо осведомилась Кира. Впрочем, как подозревал Белиас, любое проявление внимания и доброты со стороны этой женщины было притворным, а сама она напоминала ему кошку, играющую с мышкой. Он поставился собраться. Как-никак, мерзкая старуха была матерью Святейшего Матриарха, а развалившийся во главе стола невежа не кем иным, как единственным сыном Матриарха и самым вероятным наследником трона. Есть от чего свихнуться простому провинциальному священнику.

– Да, все в порядке, – услышал он собственный голос. – Я только хотел спросить... э... зачем вам понадобилось сегодня так много новых рабов?

Поднеся к губам кубок, жрица сделала глоток и пристально посмотрела на Белиаса. Чмокнула губами.

– Моему олуху внуку в скором времени проходить посвящение, – объяснила она скрипучим, как старая лестница, голосом. – Мы собираем все, что требуется для ритуала, останавливаемся тут и там, навещаем разные города. За последний год мы добились большого прогресса. Вы ведь и сами, будучи первосвященником, наверняка совершали паломничество. – Она подняла хрустальный кубок, словно пытаясь отыскать в нем какой-то изъян, но Белиас видел – старуха наблюдает за ним.

Он кивнул, глуповато улыбнулся, но так и не ответил. Никакого паломничества, конечно, не было, но признаваться в этом Белиас не собирался. Традиционно такие предприятия обходились очень и очень недешево, поскольку требовали участия во всевозможных оргиях и ритуальных прегрешениях, чего наверняка не выдержало бы его и без того слабое сердце. В общем, он так и не собрался.

– Понимаю, – сказала Кира, и улыбка сползла с лица губернатора. Что она поняла? Он не знал, но сердце задержалось быстрее.

Белиас сунул в рот сладкую фруктовую дольку, маскируя этим жестом волнение, но проглотить его не смог и закашлялся.

Дочь протянула кубок с водой. На ее лбу пролегла морщинка беспокойства, и Белиас, опустошив кубок до дна, благодарно улыбнулся. Рианна пришла на обед в простом зеленом платье, хорошо сочетавшемся с ее рыжими волосами и пошитом таким образом, чтобы скрыть печать на шее, которую она носила по настоянию отца. Ранее Белиас уже упрекнул дочь за то, что она прячет печать, от которой в таком случае нет никакой пользы. Но Рианна так и не смогла в полной мере понять все риски, проистекающие из того факта, что она – дочь первосвященника. В глубине души губернатор надеялся, что дочь никогда этого не поймет.

Сейчас, поймав ее ответную улыбку, он пожалел о тех резких словах. Конечно, она уже простила его. Как всегда.

Оставалось радоваться хотя бы тому, что гости не повернули разговор к вопросам доктрины и ритуала. Белиас всегда старался оградить Рианну от темного начала этой религии, ее секретов и тайных обрядов. Невинность дочери была, пожалуй, единственным лучом света в его унылой жизни.

– Вы только посмотрите на него! – Старуха полушутя погрозила внуку пальцем. Губернатор вздрогнул. – Налакался так, что вот-вот лопнет, а все жалуется, что ему, видите ли, скучно. За последние двенадцать лун этот балбес прошел всю империю, видел то, что доступно лишь избранным. Другой на его месте гордился бы, а он лишь требует новых впечатлений да ноет, как избалованный мальчишка.

Киркус громко рыгнул.

«Нет повелителя, кроме себя самого», – мысленно процитировал Белиас, краем глаза наблюдая за развалившимся на стуле пьяным юнцом. Неужто такому и впрямь определено стать следующим лидером веры и владыкой Империи, раскинувшейся на два континента и включавшей в себя по меньшей мере сорок разных народов?

В отличие от большинства соотечественников, готовых, будь такая возможность, насмерть сражаться за независимость, губернатор называл себя реалистом. Именно эту свою черту он считал самой важной в жизни, и именно ее, как ни прискорбно, недоставало наталийцам, за исключением, может быть, торговцев, у которых на первом месте всегда стояли деловые интересы.

Много лет назад, когда имперская армия впервые подошла к границам Наталя, а потом, почти без задержки, проследовала дальше, Белиас верно распознал в грядущей оккупации ее

истинную суть – *неотвратимость*. После того как войска королевы Хано были окончательно разбиты на улицах обреченного города, который Белиас предусмотрительно покинул, бежав с супругой и ребенком в фамильное поместье, амбициозный молодой политик благоразумно перешел на сторону победителей. В скором времени, не видя иного пути для продвижения наверх при новом порядке, он стал – надо же! – жрецом Манна. Решение было продиктовано исключительно прагматическими соображениями. Все, что от него требовалось, – это провести три года в новом храмовом комплексе в Серате, открытом специально для подготовки провинциалов, пожелавших получить мантию ордена, и пройти мистический ритуал Кулл, последнюю стадию посвящения в веру Манна.

Все сложилось как нельзя лучше: переход в новый культ принес вполне ощутимые перемены к лучшему, о чем Белиас напоминал себе каждый раз, когда темными ночами его посещал незванный гость – совесть. В конце концов он стал правителем родного города.

Однако же, вопреки всему этому прагматизму, а может быть и благодаря ему, Белиас прекрасно понимал своих менее искушенных соотечественников. Эпизод, подобный сегодняшнему, этот демонстративный рейд через город, вполне мог подтолкнуть людей к восстанию, несмотря на угрозу самого жестокого воздаяния, неизбежность которого понимали все. Случись такое – и его судьба решена. Он будет первым, кого вздернут горожане, видящие в губернаторе главного предателя. И даже если гнева горожан удастся избежать, высшие жрецы ордена не простят ему самого факта восстания. Его сочтут слабаком, недостойным состоять в рядах истинных последователей Манна, и лишат звания священника, проще говоря, сожгут на костре.

И все из-за этих фанатиков, сидящих за его столом, в его доме, предающихся обжорству за его счет, пока их вонючие рабы орут у него под окнами. Если полыхнет, вина ляжет на них, и, не исключено, болтаться на виселице будет не он один. Хотя, конечно, утешение небольшое. Мертвецу уже все равно.

«Манн», – горько усмехнулся про себя Белиас. Божественная плоть. В свое время он поставил себе целью узнать как можно больше об этой распространившейся так широко религии. И похоже, понял, что она такое на самом деле.

Священный орден Манна далеко не всегда был таким уж святым. Когда-то он представлял собой всего лишь мрачный городской культ, о котором шептались в закоулках городов-государств Ланстрады, которым матери пугали непослушных детей. Но потом этот тайный культ набрал вдруг популярность в богатейшем городе, Косе. Благодатной почвой для него стало охваченное страхом и предрассудками население, что было в общем-то и неудивительно после нескольких лет болезней и недорода. Так или иначе, сторонники культа захватили власть, совершив переворот, который вошел в историю под названием Долгой Ночи.

Опьяненные победой, стремясь как можно скорее консолидировать власть, новые правители бросили оказавшиеся в их распоряжении огромные ресурсы на реформирование армии, превращение ее в машину завоевания. Цель и мечта – распространение маннской философии на весь известный мир. Поначалу военная кампания развивалась не слишком успешно. Но постепенно военная удача повернулась к ним лицом, чему в решающей степени содействовало появление нового орудия – более точного, более надежного, менее предрасположенного к тому, чтобы взрываться в самый неподходящий момент, и требующего меньшего количества дымного пороха. Так началась эра экспансии и господства, в ходе которой, менее чем за пятьдесят лет, выковалась грозная империя и изменилась сама природа войны.

За пятьдесят лет пребывания у власти культ целенаправленно облачался в одеяния божественности. В относительно короткий срок он превратился в государственную религию, а многие его обычаи закрепились в жесткой форме традиций. Одним из примеров этих изменений был Кулл, ритуал посвящения для неофитов. Каждый, кто вступал на путь инициации, вначале терял кончики обоих мизинцев, а затем должен был голыми руками убить невинного. Цель

столь решительной ломки табу состояла в достижении полной свободы, в неукротимом следовании самым примитивным порывам.

По крайней мере, именно такое толкование давали верховные жрецы, хотя Белиас считал это полной чушью. Сам он к концу долгой ночи посвящения чувствовал себя преотвратительно. Другие, более крепкие духом, священники повторяли ритуал еще не раз, по-видимому стремясь довести до совершенства свою божественную плоть, но Белиасу хватило и одного испытания. Он не только не повторял церемонию Кулла, но и старался не вспоминать о своем участии в ней. О том, через что ему пришлось пройти, чтобы получить заветную мантию, первосвященник Скара-Брей не рассказывал никому, даже членам семьи.

До сегодняшнего вечера Белиасу и в голову не приходило, что его неверие в фундаментальные положения религии Манна может иметь какое-то значение. Он был амбициозным священником-перебежчиком, служителем религии, которую заботили не жертвенность или бескорыстие, но исключительно власть и самообожествление, а потому и мошенником себя в общем-то не считал.

Тем более любопытно, что теперь, сидя за обеденным столом с явными фанатиками из Коса – истинными священниками во всех смыслах этого слова, бритоголовыми, с изуродованными пирсингом лицами, – он вдруг ощутил себя шарлатаном. И именно эта мысль билась в его голове каждый раз, когда Белиас поднимал глаза и с нарастающим ощущением тревоги оглядывал разворачивающуюся перед ним сцену.

Что они сделают с ним, если заподозрят в неверии?

Чем дальше, тем больше им овладевало раздражение. Вино сносное, еда терпимая, но весь последний час он чувствовал себя так, словно обедал с мертвецами, настолько скучным, пресным был разговор за столом. Не в первый уже раз за последние шесть месяцев Киркус пожалел, что не может прямо сейчас вернуться в Храм Шепотов, к своим ровесникам.

Ход мыслей нарушил донесшийся снаружи резкий крик. Скорее всего, кого-то из новых рабов пришлось призвать к молчанию плетью.

– Самое время, – пробормотал Киркус, подливая вина. Развязное поведение за столом было отчасти демонстрацией, на самом деле он только притворялся избалованным невежей. А что еще делать, когда больше развлекаться нечем?

Брошенная реплика осталась без ответа. За столом царило все то же унылое молчание.

Некоторое время Киркус раскладывал должным образом приборы, а добившись идеального порядка, вздохнул и стиснул зубы. Если он в самое ближайшее время не сделает что-нибудь, чтобы рассеять скуку, то наверняка сойдет с ума.

Кира и первосвященник обменялись парой фраз о реке и о том, насколько далеко отсюда Птичье озеро. Белиас едва успевал вытирать выступавший на лбу пот.

– Мне скучно! – снова крикнул Киркус, на этот раз громче, но не настолько громко, чтобы заглушить едва тлеющий за столом вежливый разговор.

На этот раз, однако, ему удалось отвлечь дочь первосвященника от тарелки со свежим лососем. Повернувшись, она возмущенно посмотрела на него. За все время обеда их глаза встретились впервые. Он картинно ухмыльнулся – сначала ей, потом ее жениху, этому прилизанному барышнику, который, казалось, прежде и не замечал присутствия гостя и лишь теперь удостоил его беглым вниманием. В следующую секунду пара, обменявшись взглядами, вернулась к своим тарелкам. Их что-то связывало, этих двоих.

Наверное, порет ее как жеребца, когда родителей рядом нет, мрачно подумал Киркус. И тут же вспомнилась Лара; в последний раз они знатно повеселились. Ненасытная в постели, она изматывала его, загоняла на высоты, о которых он и не знал раньше.

Воспоминание опустилось свинцовым шаром в низ живота, вытолкнув на поверхность другие. Вечер, проведенный с Кирой в полутемной прохладной комнате, ее постоянные упреки, напоминания о вещах, которые он предпочел бы забыть, о которых просто не мог думать, когда

мысли были заняты только Ларой. Только одно было важно: запах ее кожи, гладкой и упругой; звук ее смеха, чистый и мелодичный; образ ее совершенного лица, влажного, покрасневшего – под ним или над ним; ее порывистость и неизменная бодрость и веселость.

– Малышка Лара никогда не сможет стать твоей гламмари, – без обиняков объявила старуха после того, как битый час объясняла, что только женщины Манна владеют богатством и влиянием своих семей, поскольку только они сохраняют и передают из поколения в поколение древнюю кровь. – Вот о чем ты должен помнить в первую очередь, а не о том, кто лучше тебя ублажает, – с укоризной добавила она. – Родственники Лары уже в нашем лагере, не забывай об этом. Ты должен выбрать супругу с таким расчетом, чтобы укрепить наши позиции, а значит, из влиятельной семьи, которую мы желаем привлечь на свою сторону. Лара никогда не станет для тебя большим, чем уже есть, и вы оба должны этим и довольствоваться.

Киркус обругал тогда старуху, предложил не совать нос в его дела. Ларе о том разговоре он не рассказал – а как о таком расскажешь? Как-нибудь сама узнает.

В ночь, оказавшуюся их последней – хотя об этом знала одна только она, – Лара была кокетливой и игривой. Проведя в любовных играх несколько часов, они вдруг поспорили из-за какой-то мелочи, какой-то пустячной оговорки, о которой он и вспомнить теперь не мог. В конце концов Лара убежала, крича, что никогда больше не заговорит с ним, а он только посмеялся над ее истерикой, не зная еще, что потерял любовницу.

На бал, проводившийся несколько дней спустя, она явилась с новым кавалером, тупицей Да-Раном, гордо вырядившимся в парадные доспехи со всеми полагающимися ленточками и еще не зажившим шрамом на щеке, полученным на той же неделе при усмирении каких-то северных племен.

На Киркуса в тот вечер Лара даже не посмотрела.

Ни разу.

Эта девчонка, Рианна, так поглядывала на своего жениха, что Киркусу делалось не по себе. Будь он склонен к самоанализу, наверное, распознал бы в глодавшем его чувстве ревность. А так оставалось только сидеть, мрачнеть да смотреть на все злыми черными глазами.

Пока она ела, одна ее рука оставалась под столом. Присмотревшись, Киркус обнаружил, что эта самая рука совершает ритмические движения, столь осторожные, что заметить их было почти невозможно. Хмыкнув, он неверным жестом пьяного смахнул салфетку на пол и, нагнувшись за ней, скользнул взглядом по ногам обедающих. Так и есть. Тонкая белая ручка нежно поглаживала любовника по бедру, пробираясь все выше и выше.

Киркус подобрал салфетку и выпрямился. Посмотрев на девушку еще раз, он как будто увидел вдруг другого человека. Увидел и усмехнулся. Взгляд его, задержавшись на ее худеньком теле под зеленым платьем, на выпяченных вызывающе тугих грудях, на высокой, с изгибом, лебединой шее, перешел на гордое, нежное личико, выбеленное, подкрашенное и обрамленное буйной кроной огненно-рыжих волос.

– Хочу ее, – объявил Киркус жестким тоном, привлечшим к нему общее внимание.

– Что, дорогой? – осведомилась Кира, сидевшая у дальнего края стола.

Он указал пальцем на Рианну:

– Хочу ее.

Пухленькая хозяйка наконец-то нарушила обет молчания и тихонько хихикнула в кулачок, как будто обнаружила вдруг, что делит обед с сумасшедшим. Остальным, однако, было не до смеха. Шокированные, они замерли с открытым ртом.

– Ты серьезно? – спросила жрица, тоном давая понять, что ему лучше бы хорошенько подумать, прежде чем говорить.

Киркус знал, о чем она предупреждает. В Косе старуха могла отказать в чем-то подобном; так она и сделала, когда он после бала потребовал себе Лару. Тогда Кира не решилась нарушить хрупкий баланс сил, благодаря которому его мать и держалась у власти. Но здесь? В

присутствии этого провинциального шута? Донос подтверждался – Белиас только играл роль священника, но не исполнял взятые на себя обязанности.

– Ты же знаешь, что это за люди. Да, я хочу ее.

Словно защищаясь от надвигающейся угрозы, девушка вскинула руку к горлу и повернулась к отцу. Жених положил руку ей на плечо и поднялся, как будто намереваясь заявить протест, но так ничего и не сказал. Мать все еще хихикала.

Жрица вздохнула. О чем она думала? Присутствующие могли только гадать. Какое-то время старуха и внук смотрели друг на друга, ничего не говоря. Тишина сгустилась.

Кира повернулась к Белиасу, лицо которого под ее пристальным взглядом побледнело и осунулось. Похоже, эта перемена и подтолкнула жрицу к решению. Улыбка на ее губах была не более чем данью вежливости.

– Первосвященник Белиас, – заговорила она, отодвинув тарелку, – я задам вам вопрос.

Губернатор прокашлялся.

– Да, госпожа?

– Скажите, откуда исходит величайшая угроза нашему ордену?

Он беззвучно открыл и закрыл рот. Повторил попытку – и снова ничего. Затем...

– Я... я не знаю. Мы правим большей частью известного мира. Мы сильнее других. Я... не вижу никаких угроз...

Ее веки опустились, словно не выдержав собственной тяжести.

– Величайшая угроза всегда идет изнутри. Мы обязаны остерегаться наших собственных слабостей. Нельзя стать мягкими. Нельзя допускать в орден тех, кто не имеет настоящей веры. Когда такое происходит, религия утрачивает смысл. Вы должны понимать это.

– Госпожа, я...

Она открыла глаза, и первосвященник умолк на полуслове. Его застывшие над скатертью руки заметно дрожали.

– Благодарю за оказанное гостеприимство. – Старуха промокнула салфеткой губы и положила ее на стол. Потом подняла руку и щелкнула пальцами. Звук получился такой, словно сломалась кость. Четверо алтарников, стоявших дотол в углах зала, направились к столу.

Рианна вскрикнула.

Движимый паникой и отчаянием, ее жених ударил одного из стражников в подбородок. В следующее мгновение другой выхватил меч. Защищаясь, жених вскинул руку, и алтарник, действуя с бездумной простотой мясника, рассек ее одним ударом и тут же, немедля, нанес второй, выше. Отрубленная кисть упала на пол. За ней, неуклюже и тяжело, грохнулась рука. Жених, крича от боли, свалился рядом с раскрытой ладонью. Из раны била кровь.

Хозяйка вскочила и тут же извергла на скатерть фонтан еще не переварившихся креветок.

Бормоча что-то нечленораздельное, губернатор шагнул к дочери, но поскользнулся на луже крови и едва устоял на ногах. Лицо его болезненно сморщилось.

Двери распахнулись, и в комнату с оружием наготове ворвалась внутренняя стража. Глазам солдат открылась жуткая картина: их хозяин, шатаясь, словно пьяный, стоял в дальнем конце зала; на полу корчился и кричал измазанный кровью мужчина; дочь губернатора билась в руках алтарников, и лишь двое в белых мантиях, сидевшие в разных концах стола, преспокойно пили вино.

Солдаты медленно отступили и осторожно затворили за собой дверь.

Глухо застонав, первосвященник упал на колени перед поднявшейся со стула жрицей.

– Пожалуйста... – только и смог пробормотать он, схватившись за грудь. В ее руке появился небольшой кинжал. Одно короткое, отточенное движение... слева направо, поперек горла...

– Мать тоже возьмите, – приказала старуха, стоя над умирающим.

Стражники схватили обеих, жену и дочь, и выволокли их из комнаты. Кира посмотрела в закатившиеся глаза Белиаса.

– Не отчаивайтесь, – сказала она, хотя он вряд ли что-то слышал. – Вы неплохо прожили благодаря нам.

Кира перешагнула через тело и, оставляя за собой кровавый след, направилась к выходу. Киркус, допив залпом вино, последовал за ней.

Внутренняя стража ждала в большом зале. Солдаты едва скрывали страх. Перед ними, пряча руки в длинные рукава белой мантии, стоял канцлер первосвященника. Седые, словно выкрашенные серебром, волосы обрамляли покрасневшее лицо. В первый момент Киркус принял это возбуждение за злость, но потом заметил в глазах канцлера, следившего за тем, как мать и дочь выводят под дождь, любопытный блеск.

Интересно, не он ли сочинил ту записку?

– Нам надобен новый первосвященник, – обратилась к канцлеру Кира.

– Пожалуй, – согласился Эган.

– Надеюсь, вы проявите себя более преданным сторонником веры, чем ваш предшественник.

Эган склонил голову:

– Он был слаб, госпожа. Я – нет.

Кира окинула его оценивающим взглядом, шмыгнула носом и, повернувшись, вышла.

Киркус поспешил за бабушкой.

Глава 5. Полет

В каюте пахло плесенью, сыростью и рвотой. Мягкое движение воздухолета обнаружилось только в поскрипывании переборок, дрожании болтающегося под потолком фонаря и коротком ощущении подъема или падения. Несчастный, разбитый, бледный, Нико лежал плашмя на своей койке.

Корабль едва поднялся над Бар-Хосом и еще только набирал высоту, когда Нико, посмотрев вниз, замер в изумлении – земля уходила, и все, что было на ней, стремительно уменьшалось. В следующий момент голова закружилась, в животе что-то перевернулось, и он едва успел ухватиться за поручень. Прошло три дня, а он так и лежал, не поднимаясь, одолеваемый страхом, сражаясь с приступами тошноты, в постоянном напряжении, и только время от времени свешивался с койки к стоящему на полу деревянному ведру. Желчь высушила горло, так что даже говорить было больно. Ел он мало, только проглатывал суп да пил воду, – все прочее изрыгалось, не успев даже перевариться. И при этом, независимо от того, спал он или бодрствовал, в голове гвоздем сидела одна и та же мысль: между ним и землей пропасть пустоты. Он постоянно ощущал напряжение канатов и распорок, удерживавших корпус под брюхом хрупкой, наполненной газом оболочки. Каждый доносящийся с палубы крик, каждый топот ног или изменение в движении корабля возвещало надвигающуюся неумолимо катастрофу. Никогда еще Нико не испытывал таких страданий.

Большую часть времени он был один. Вообще-то тесную каюту делил с ним Эш, но старик, похоже, был начисто лишен сострадания и плохо переносил затяжные приступы рвоты. Когда это случалось, терпения ему хватало ненадолго. Он откладывал томик поэзии и, бормоча что-то под нос, отправлялся на палубу. Так что ухаживал за страдальцем, принося еду и воду, только корабельный юнга Берл.

– Ты должен поесть, – снова повторил он, протягивая чашку с бульоном. – Посмотри на себя – ничего не осталось, кожа да кости.

Но Нико только поморщился и оттолкнул чашку.

Берл укоризненно поцокал языком.

– Тогда хотя бы воды выпей. Пить нужно обязательно, даже если удержать не можешь.

Нико покачал головой.

– Не выпьешь – позову твоего хозяина.

Пришлось согласиться. Он сделал несколько глотков – только лишь для того, чтобы успокоить заботливого мальчишку. Потом спросил, который час.

– Скоро вечер. Да тебе-то какая разница – ставни все равно постоянно закрыты. Тебе требуется свежий воздух, здесь уже и дышать нечем. Неудивительно, что твой хозяин столько времени проводит на палубе.

– Больно уж вид не нравится, – объяснил Нико, вспомнив первое утро, когда, распахнув ставни, тут же отшатнулся в ужасе от увиденного. – Со мной определенно что-то не так, – простонал он, кладя на живот руку.

Берл ухмыльнулся:

– Меня в первом полете тошнило целую неделю. Обычное дело. Просто у некоторых крылья вырастают быстрее, чем у других.

– Крылья?

– Да. Но ты не беспокойся – через пару дней будешь в порядке.

– Если не помру раньше.

Берл поднес к его губам мех с водой.

На вид парнишке было лет четырнадцать, не больше, но держался он не по годам уверенно. Вытирая рот, Нико присмотрелся к юнге повнимательнее. Лицо узкое, у бровей, особенно над глазами, мелкие шрамы, напоминающие давно зажившие раны.

– Работал под Щитом, – объяснил Берл, перехватив его взгляд.

Вот оно что. Отец как-то рассказывал, что защитники города иногда используют в туннелях мальчишек. Подкопы часто бывают слишком узкими для взрослых мужчин, и тогда в них запускают детей или специально обученных собак. Нико даже упомянул, что его отец тоже сражался у стен города, но Берл не стал развивать тему и только кивнул, а потом поставил на пол мех с водой.

– Пока хватит, но ты должен постоянно пить, слышишь?

– Да, буду, – пообещал Нико. – А скажи-ка, где мы сейчас?

– Над Салиной. Утром прошли над ее восточным побережьем.

– А я думал, мы уже идем к Чиму.

– Пойдем, когда поймает попутный ветер. Капитан старается по возможности не тратить топливо. Вот поймает ветер и сразу рванем на север, через блокаду. Да ты не волнуйся, воздушных у маннианцев не больше нашего, а «Фалькон» – корабль быстрый, так что пройдем с ходу.

Берл повернулся к выходу.

– Если будешь сносно себя чувствовать, выходи на палубу. Свежий воздух хорошо помогает. – Он легко пересек каюту, хотя пол уже заметно накренился – корабль снова набирал высоту. Нико услышал, как загудели двигатели, сжигая драгоценное топливо.

У выхода Берл остановился и обернулся, держась рукой за косяк.

– А ты и правда будешь учиться на рошуна?

– Вообще-то это вроде как секрет, – ответил Нико.

Юнга кивнул и задумчиво выпятил губу. Потом вышел, притворив за собой хлипкую дверь.

Нико снова лег и закрыл глаза. Не видя наклона, сдерживать тошноту было легче.

Прошло всего лишь несколько дней, а прежняя жизнь казалась такой далекой.

На следующее утро полегчало. Похоже, истощенный организм решил устроить себе разгрузку и не обращать внимания на проблемы, тревоги и волнения. Облегченно вздохнув, Нико скатился с пропитанной потом койки.

Каюта размещалась в задней, хвостовой части воздушного судна. Под окном, на выступе, крепилась раковина, в углу – уборная. Нико глубоко вдохнул, распахнул ставни и на мгновение зажмурился от ударившего в глаза света. Небо было ясное и удивительно голубое. Неподалеку, на уровне глаз, проплывало белое облачко. Легкий бриз освежил лицо и разогнал остатки сна. Преодолев себя, Нико перегнулся через подоконник. Далеко внизу расстился живописный, зеленое с бурым, ландшафт – судя по очертаниям береговой линии, это был остров – с разбегавшимися в разные стороны дорогами и окутанными туманной дымкой городишками. Большая часть дорог сходилась к обнесенному стеной воздухопорту. С поросших лесом холмов сбегали к озерам и далее к морю сверкающие под солнцем речки. Нико крепче сжал подоконник и заставил себя успокоиться.

Вылив содержимое ведра – пора избавиться от вони, – он снял с себя грязную одежду. В Бар-Хосе перед отбытием Эш купил ему все необходимое для путешествия и дорожный мешок. Нико достал из него кусочек мыла и умылся, промочив от усердия деревянный пол. Потом выудил пакетик с ароматизированной корой, развернул обертку из вощеной бумаги и тщательно почистил зубы.

Надевая чистую одежду – мягкую хлопчатобумажную майку, тунику и штаны из грубого брезента, кожаные башмаки, пояс с деревянной застежкой, – он вдруг поймал себя на том, что ужасно проголодался.

Осторожно, короткими шажками, Нико выбрался из каюты и двинулся по коридору, влекомый запахом чи, в общую комнату, просторное, с низким потолком помещение. За столами сидели группками члены экипажа. Неторопливо завтракая, люди негромко переговаривались. В воздухе уже растекался трубочный дымок. Провожаемый не слишком приветливыми взглядами, Нико прошел к стойке, у которой кок, тощий, лысоватый мужчина с вытатуированными усами выдавал чашки с горячим чи и тарелки с сыром и сухарями. Здесь же работал – подбрасывал дрова в гудящую каменную печь – и Берл. Увидев подопечного, юнга приветливо кивнул, но от дела не оторвался. Нико навалил на тарелку горку еды, а чашку чи поставил перед ним кок, который тут же вернулся к работе, заключающейся, похоже, в громыхании сковородами и кастрюлями, размахивании влажным полотенцем, усталых вздохах и проклятиях в свой же адрес. Сев за пустой столик в уголке, Нико осторожно, проверяя желудок, приступил к завтраку. Зацепившись взглядом за установленные вдоль борта орудия, он старался не обращать внимания на то и дело бросаемые в его сторону неприязненные взгляды.

Интересно, остальные здесь тоже такие дружелюбные?

Закончив, Нико поблагодарил кока и решил подняться на верхнюю палубу. Каждый шаг давался с трудом, ладони скользили по поручням при попытке оторвать ногу от ступеньки, так что перед последним участком он даже взял паузу, чтобы привести себя в порядок.

Шагнув наконец на верхнюю палубу, Нико постарался представить, что находится на обычном морском корабле, рассекающем волны, а не плывущем в воздушном безбрежье. Помогло то, что палубы «Фалькона» почти не отличались от палуб судов, видеть которые ему доводилось в гавани: за спиной возвышался кварталдек, впереди – фордек. Неподалеку, негромко переговариваясь, вязали канаты пять или шесть матросов. Чуть дальше несколько их товарищей забавлялись игрой в кости. В какой-то момент игроки из-за чего-то заспорили, и одного, порывавшегося затеять драку, даже пришлось удерживать. В целом команда выглядела довольно молодой, и лишь немногим, как показалось Нико, перевалило за тридцать. Все были худощавы, все носили бороды и длинные волосы.

Непривычной была и окружавшая их тишина, нарушаемая только треском полотна. Подняв голову, он увидел огромную, трепещущую под ветром оболочку из белого шелка, заключенную в тонкую сеть канатов и деревянных распорок. Отбрасываемая ею тень накрывала всю палубу. Под носом оболочки раздувались паруса, натянутые между прочными тиковыми штангами. По бокам ее выступали две огромные, похожие на крылья лопасти. Между тугими, трепещущими от ветра шелковыми полотнищами по решетке удерживающего их такелажа карабкались люди.

«Сумасшедшие, – подумал Нико. – Безумцы».

Воздух на такой высоте был не просто прохладный, а холодный. Ветер кусал даже сквозь одежду, и по коже побежали мурашки. Нико уже подумывал о том, чтобы вернуться в каюту и одеться потеплее, но заметил на фордеке Эша. Как всегда в черном, старик сидел неподвижно, подобрав ноги и, похоже, полностью уйдя в себя.

Нико уже обнаружил, что пребывание на палубе вполне можно вынести, если не смотреть вниз через поручень и постоянно внушать себе, что находишься на борту обычного морского корабля. Руководствуясь этими правилами, он поднялся по ступенькам и подошел к старику.

На первый взгляд могло показаться, что Эш спит, но взгляд за опущенными ресницами свидетельствовал об обратном, хотя и оставался застывшим, сосредоточенным на некоей точке, которая могла быть и далеко и близко. Поражала и полная неподвижность фигуры; казалось, это не живой человек, а каменное изваяние. Даже грудь его не поднималась и не опускалась вместе с дыханием.

– Как ты? – спросил Эш, даже не пошевелившись.

Пытаясь согреться, Нико обхватил себя руками.

– Сегодня лучше. Спасибо за заботу, старик.

Эш сухо усмехнулся:

– Я здесь не для того, чтобы с тобой нянчиться. – Он открыл глаза, посмотрел на юношу и протянул руку.

Секунду Нико смотрел на нее непонимающе – блестящие ногти и розовато-черная кожа вокруг них, – потом сжал загрубевшую, как кора, ладонь и помог старику подняться.

– Если ходишь, значит, все хорошо, – сказал Эш. – А раз так, то пора начинать обучение. Урок первый: ты – мой ученик. Следовательно, можешь называть меня мастером или мастером Эшем. Но не стариком.

Кровь бросилась в лицо – *такой тон* Нико не понравился.

– Как скажете.

– Не испытывай мое терпение, парень. Будешь и дальше выказывать неуважение – ударю.

Примерно так разговаривал иногда отец, возвращаясь домой со службы, и один из тех придурков, которых приводила мать.

– Ну так ударьте. Этот урок я уже знаю.

В выражении лица Эша не изменилось ничего, но краем глаза Нико заметил, как сжалась в кулак опущенная правая рука. Заметил и напрягся.

Однако, вместо того чтобы подкрепить словесную угрозу делом, старик лишь глубоко вздохнул:

– Ладно, давай посидим.

Он первым опустил на колени, но теперь уже лицом к Нико. После недолгого колебания юноша последовал его примеру.

– Сделай глубокий вдох, – сказал Эш. – Так, хорошо. Теперь еще раз.

Нико вдохнул и почувствовал, как разжижается и уходит злость.

– Итак, ты – мерсианец, – начал Эш. – Твой народ следует путем Дао, или того, что называют иногда Судьбой. А раз так, то ты должен знать, кто такой Большой Глупец.

Вопрос застиг его врасплох.

– Конечно, – осторожно ответил Нико. Старик кивнул, но ничего не сказал, давая понять, что ждет продолжения. – Я бывал в храмах, слышал, как там читают его высказывания. На День Глупца мать обычно брала меня с собой.

Эш едва заметно сдвинул брови, показывая, что ничем особенным ученик его не впечатлил.

– А тебе известно, где родился Большой Глупец?

– Мне говорили, что он родился на одной из лун и свалился на Эрес с горящей скалой.

Старик покачал головой:

– Он родился на моей родине, Хоншю, шестьсот сорок девять лет назад. Хоншю – родина даосизма. Большой Глупец прожил там всю свою жизнь и нигде больше не бывал, что бы там ни утверждали ваши легенды. Учение о Пути принесла в Мидерес его Великая Последовательница, и именно благодаря ей и ее ученикам оно распространилось, в различных формах, по южным землям, в том числе и вашей. Ты медитируешь?

– Как монахи?

– Да, как монахи.

Нико покачал головой.

– Хо. Тогда, как я и ожидал, ты не знаешь ничего, кроме религии. Мы, в ордене, тоже даосы, но следуем истинным учениям Большого Глупца, без всей той чепухи, которой обросли его слова. Если ты пойдешь его путем, как и должно быть, поскольку ты намерен стать настоящим рошуном, то забудь, что знал, и сосредоточься на одном-единственном. Научись, как быть *неподвижным*.

Нико медленно кивнул:

– Понимаю.

– Ничего ты не понимаешь, но скоро начнешь. А теперь делай то, что я скажу. Вложи левую руку в правую. Да, так. Теперь выпрями спину. Еще. Не сутулься. Хорошо. Прикрой глаза. Выбери точку перед собой и сфокусируйся на ней. Дыши. Расслабься.

Странно, какое отношение это все имеет к рошунам? Тем не менее Нико расслабился.

– Следи за тем, как воздух входит в нос, как проходит через тебя, как выходит. Дыши глубже, животом. Да, вот так.

– И что дальше? – У него уже заболели колени.

Взгляд Эша оставался неподвижным, лишь крылья носа чуть заметно дрогнули.

– Ум, который вечно чем-то занят, болен. Ум спокойный следует течению Дао. Если ты следуешь течению Дао, твои поступки согласуются со всем сущим. Вот чему учит нас Большой Глупец.

Нико пытался делать так, как сказал старик. В некотором отношении это напоминало жонглирование одновременно тремя предметами: приходилось следить за дыханием, держать прямой спину и не упускать из виду щербинку на поручне. На все сразу концентрации не хватало, он забывал то об одном, то о другом. И, ловя себя на упущении, начинал раздражаться. Он уже потерял ощущение времени и не мог бы сказать, сколько они сидят вот так, минуты или часы.

Чем усерднее он старался оставаться неподвижным, тем сильнее становилась потребность поболтать с собой. Чесалась щека. Ныла спина. В коленях пульсировала боль. Урок превратился в истязание, так что в какой-то момент Нико, чтобы отвлечься от всех своих неудобств, направил мысли на посторонние предметы: куда идет корабль, что подадут на обед...

Казалось, минули годы, прежде чем колокол отбил конец часа.

Эш поднялся и помог встать ученику.

– Как себя чувствуешь?

Нико с трудом удержался, чтобы не ляпнуть первое, что пришло на ум.

– Я спокоен, – соврал он. – Спокоен и неподвижен.

Глаза старика насмешливо блеснули.

Позже в тот же день воздухолет снизился на несколько сотен футов в надежде найти более благоприятный ветер и, к общей радости, попал в быстрый поток, движущийся в направлении на северо-запад. Стоявший на квартердеке капитан Тренч распорядился убрать задние лопасти и развернуть главные. Он еще не закончил, а его люди уже бросились выполнять приказ. Высокий, лет тридцати, чисто выбритый, капитан отличался крайней худобой. Белые костлявые руки он держал в карманах серо-синей шинели без каких-либо знаков отличия, что могло быть и своего рода манерностью, и свидетельством прошлой флотской карьеры, поскольку командование воздухолетом мало чем отличалось от командования торговым судном. Взгляд его единственного глаза то и дело устремлялся вверх, где дрожала под порывами бокового ветра оболочка. Сидевший на плече у капитана керидо то наклонялся к его уху и трещал, словно ведя с хозяином разговор, то переступал с лапки на лапку, поддерживая равновесие. «Фалькон» поворачивался, будто рыба, втискивался, задрал хвост и теряя высоту, в воздушный поток.

Вцепившись побелевшими пальцами в поручень, Нико с тревогой вслушивался в скрип деревянных распорок, соединявших оболочку с корпусом. Громадные лопасти подхватили ветер; стоявший у штурвала вахтенный громко считывал показания скорости. Набирая ход, корабль рвался вперед.

Они покидали наконец-то воздушное пространство Свободных портов.

Вечером капитан пригласил пассажиров пообедать в его расположенной под квартердеком каюте, помещении с низким потолком, растянувшимся на всю ширину корпуса. Вдоль стен шли окна; перекрещивающиеся свинцовые полосы делили толстые стеклянные панели на

ромбы, прозрачные и полупрозрачные, зеленые и желтые. Горизонт за ними сливался с облаками, подкрашенными падающим шаром солнца.

На обед подали рисовый суп, жареный картофель, свежие овощи, копченое мясо и вино. Стол был сервирован керамической посудой, серовато-белой, изящной и, похоже, дорогой. Каждый предмет украшало изображение летящего сокола. Подарок капитану, решил Нико.

Разговоры отошли на второй план – все отдали должное еде, не позволяя блюдам стынуть. Эш и капитан ели сосредоточенно, не отвлекаясь, как люди, поставившие целью насладиться всем, что только предлагает жизнь, пока это возможно. Далас, первый помощник капитана – здоровенный, с длинными, заплетенными в тугие косички волосами корицеец в распахнутом кожаном жакете, со свисающим с шеи изогнутым охотничьим рогом, – был, по-видимому, нем от рождения. Даже любимец Тренча, керидо, разволновавшийся поначалу из-за присутствия на обеде двух гостей, скоро притих, устроившись на столе, рядом с тарелкой хозяина, и лишь щелкал изредка клювом да пускал слюни. Глядя на птицу, Нико вспоминал Буна. Мать готовила кое-как, второпях, и он, сидя за завтраком или ужином, всегда старался незаметно передать другу под стол дополнительный кусочек. Нико видел керидо впервые в жизни, хотя знал о них из представлений «Повести Рыбы», что разыгрывали уличные артисты. В некоторых из этих историй рассказывалось о купцах, которые, путешествуя через пустыню, попадали в оазис, где теряли рассудок и находили смерть. Керидо всегда изображался там существом мелким, но зловредным. Теперь, имея возможность наблюдать за представителем этого рода вживую, Нико понимал, что такое представление возникло не на пустом месте. Цвета его шкуры вызывали неясные образы густой, накрытой тенью растительности, в которой крадется некий, готовый вдруг выскочить хищник. Ему бы и в голову не пришло, что такую тварь можно держать у себя дома.

Из привинченного к полу и запертого на замок шкафчика достали красное вино. Капитан, Далас и Эш заканчивали вторую бутылку, тогда как Нико все еще потягивал из первого стакана. Первые двое, похоже, малость опьянели.

– Это хорошо, что ты наконец-то поднялся, – заметил Тренч, промокая платком бледные губы и награждая Нико немигающим взглядом своего слепого, затянутого белой пленкой глаза. Лицо его даже в мягких тонах заката выглядело бледным, словно пропиталось влажной серостью дождя.

Эш хмыкнул, и Нико тут же посмотрел на старика, но тот отвел глаза.

– К большому небу приспособиться нелегко, – продолжал Тренч с легким акцентом чело-века, получившего дорогостоящее образование. – Здесь похуже, чем в море, это почти каждый подтвердит. Так что стыдиться нечего, обычная реакция. Я и сам чувствую себя не лучше, когда возвращаюсь на землю. Денек со шлюхой кувыркаюсь, прежде чем освоюсь. – Он добродушно улыбнулся, подмигнул и тут же, словно застеснявшись сказанного, поспешно отвернулся.

Нико тоже улыбнулся, хотя и немного принужденно, – капитан ему нравился. Похоже, капитану было важно понравиться тем, кто оказался с ним в одной компании. Выглядело это странно, если вспомнить, как он вел себя днем, как кричал на подчиненных, срываясь и брызжа слюной, так что в какой-то момент Нико даже забеспокоился – а в себе ли он. В конце концов Далас увел Тренча в свою кабину – с глаз долой, – хотя крики доносились и оттуда.

Теперь, за обедом, капитан был абсолютно спокоен, часто улыбался и смотрел на гостей так, словно хотел извиниться. Если его и терзали какие-то демоны, сейчас их сдерживал мягкий, добродушный нрав, более соответствовавший его истинной природе. Так что, несмотря на тот неприятный срыв, Нико чувствовал себя вполне уверенно в обществе капитана.

Сидевший напротив Далас посмотрел на Нико без особой теплоты и, подцепив вилкой кусок мяса, отправил его в рот. При этом верзила корицеец изобразил свободной рукой жест сколь быстрый, столь и выразительный: сжатый кулак качнулся из стороны в сторону, изобразил волнистое движение и раскрылся ладонью вверх.

– Не обращай внимания, – посоветовал Тренч.

Но Нико уже не мог отвести взгляд от руки корицийца, указательный палец которой терся о подушечку большого.

– Почему? Что он сказал?

Тренч снова поднес к губам платок.

– Он говорит, мой юный друг, что сомневается в том, что ты хотя бы раз выходил в море, не говоря уже о большем.

Далас замер в ожидании ответа и даже перестал жевать.

– Если так, то он прав, – признался Нико.

– Да, но ты, возможно, не обратил внимания, как он это сказал. Жест с покачиванием считается оскорбительным. – Капитан посмотрел на своего помощника и укоризненно покачал головой. Корицийца нахмурился. – Далас родился на корабле и всю жизнь провел на палубе, вот откуда неприязнь к тем, кто не был в море. Он полагает, что у них неверно определены приоритеты.

Нико смущенно улыбнулся обоим:

– Однажды, лет в десять, я купался в море и нашел бревно. Оно и было моим кораблем.

Тренч чуть сдвинул в сторону платок.

– Бревно, говоришь?

– Да, большое.

Капитан рассмеялся, а рассмеявшись, закашлялся, так что ему снова пришлось прикрыться платком. Даже Далас смягчился и проглотил задержавшийся во рту кусок.

– Ты почти не пьешь, – заметил Тренч, отдышавшись. – Берл, будь добр, подлей нашему гостю.

Стоявший в сторонке юнга послушно шагнул к столу и подлил вина.

Нико с сомнением посмотрел на кубок.

– Вижу, по-настоящему ты его еще не распробовал, – проворчал Тренч, поднимая свой. – Ничего, это придет, можешь мне поверить. В такой жизни, как наша, к вину привыкаешь легко и быстро. Посмотри на своего мастера. Когда он был здесь в последний раз, мне пришлось держать запасы под замком, иначе он все бы выпил. Вот какая бывает жажда.

– Чепуха. – Эш вылил в себя то, что оставалось на дне, и показал на пустой кубок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.